

ИСТОРИЧЕСКАЯ

АВАНТЮРА

ДМИТРИЙ ШНДЛОВСКИЙ

ПРИНЦИП ВОИНА

«КРЫЛОВ»

Историческая авантюра (Крылов)

Дмитрий Шидловский

Принцип воина

«Крылов»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84Р1-44

Шидловский Д.

Принцип воина / Д. Шидловский — «Крылов»,
2019 — (Историческая авантюра (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0239-9

Фестиваль школ боевых искусств закончился, едва начавшись. Стоило только прозвучать старинному языческому заклинанию, как бойцы переместились в иное место, в другой мир. Другой мир встретил гостей жестко. Потому что там все зависит от твоего меча, силы духа и разума, а расплатой за неудачу станет рабство и смерть. В одном не повезло местным жителям – к ним попала команда российских спортсменов: каратистов, ушуистов, кулачников, а также православный священник. Очень скоро станет понятно, кто чего стоит на самом деле. Новый мир покажет, кто воин только по названию, а кто – по сути. Выявит, кто чего сможет добиться – кто опустится на самое дно, а кто достигнет сияющих вершин.

УДК 821.161.1

ББК 84Р1-44

ISBN 978-5-4226-0239-9

© Шидловский Д., 2019

© Крылов, 2019

Содержание

Часть 1	5
Глава первая, о том, как важно финансирование	5
Глава вторая, о том, что бывает на тренировке	8
Глава третья, о том, как опасно давать тайные знания неподготовленным людям	10
Глава четвертая, о том, как нелегко существовать в неопределенности	13
Глава пятая, о первой схватке и первых жертвах	15
Глава шестая, о том, что любая фантастика может оказаться реальностью	17
Глава седьмая, о выборах главнокомандующего	19
Глава восьмая, о мелких пакостях	22
Глава девятая, о мятеже	25
Глава десятая, о схватке с грозным противником	29
Глава одиннадцатая, в которой приходят новые знания	34
Глава двенадцатая, о том, как неожиданно может измениться обстановка	38
Глава тринадцатая, рассказывающая о прелестях гарнизонной жизни	41
Глава четырнадцатая, рассказывающая об интригах гарнизонной жизни	49
Глава пятнадцатая, о предательстве и позоре	52
Глава шестнадцатая, о том, что и один в поле воин	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Шидловский

Принцип война

Часть 1

Куда приводит магия

Глава первая, о том, как важно финансирование

– Ой, Никита, невозможно с тобой дела вести, – недовольно пропыхтел Чубенков, откидываясь в кресле.

– Отчего же? – улыбнулся Рыбников. – По-моему, как раз со мной дела вести легко и приятно. Так что, договорились?

– Прордыху не даешь, – заскулил Чубенков.

– Бизнес есть бизнес, извини, Володя. Но ведь и ты не внакладе. Ну, так что, договорились?

– Да продлим мы тебе аренду на старых условиях. – Чубенков состроил такое лицо, будто у него только что вырвали зуб без наркоза. – Решение получишь во вторник.

– Вот и отлично, – Рыбников встал и протянул собеседнику руку. – Значит, договорились. А насчет выкупа ты все же подумай. Я в долгу не останусь.

– Погоди, сядь.

Как и большинство низкорослых людей, Чубенков не любил, когда рядом с ним стояли те, кто выше ростом. Рядом же с почти двухметровым Рыбниковым он выглядел совсем карликом.

– Есть такое дело... – протянул Чубенков. – Кстати, сауна в твоём клубе ещё работает?

– Работает, заезжай, – щадя самолюбие чиновника, Рыбников снова сел на стул.

– Славная сауна, – мечтательно закатил глаза Чубенков и тут же добавил: – Ты от Васильева приглашение на фестиваль боевых искусств получал?

– Угу, – кивнул Рыбников.

– И что думаешь?

– Нужен мне этот Васильев, – поморщился Рыбников. – Я его еще с девяносто второго помню. Как был кидалой, так им и остался. Только масштаб многократно увеличился.

– Он хочет взять на финансирование одну из школ боевых искусств, – напомнил Чубенков. – Вспомнил, видишь, свою молодость боевую. Он же бывший рукопашник. Ты знаешь. Вот и проводит смотр. Фестиваль, кстати, под патронажем районной администрации. Я сам там буду. Работа с молодежью, патриотическое воспитание, подготовка призывников и все такое. Ты же знаешь, сейчас это в тренде...

– Мне его деньги не нужны, – прервал чиновника Рыбников.

– А как я продление аренды на льготных условиях твоему клубу обосную? – занял Чубенков. – Надо в городских мероприятиях участвовать. Меня ведь тоже проверяют. Тут еще такое дело, – глаза Чубенкова как-то неестественно разъехались в стороны, – из Москвы разнарядка пришла. Разрешено взять под патронаж одну школу единоборств. Вы же с социально значимыми группами работаете: с подростками, с молодежью. Финансирование можно выделить из бюджета. Я же знаю, сколько ты на свой клуб личных денег тратишь.

– Не так уж много, – отмахнулся Рыбников.

– Я, конечно, понимаю, что для тебя это не деньги, а все же зачем, если можно за счет бюджета? Но для этого надо принять участие в фестивале.

– Ну и возьми кого другого, – посоветовал Рыбников. – Вон сколько народа твой порог обивает, чтобы поддержку получить.

– Мне приятнее с тобой работать. Надежнее. Да и понимаешь ты все быстрее. А по клубу договоримся. Глядишь, и с выкупом земли под твоей фабрикой легче будет.

Рыбников пристально посмотрел в глаза собеседнику, потом взял со стола листок бумаги, написал на нем: «50 % —?» и подвинул чиновнику. Тот тоже взял ручку, перечеркнул написанное бизнесменом и написал: «80 %», подвинул бумажку к собеседнику, поднял очи горе и молитвенно сложил ладошки. Рыбников тяжело вздохнул и еле заметно кивнул. Чубенков быстро схватил листок, поджег его от зажигалки и бросил в пепельницу.

– Не хотел я к Васильеву идти, – тяжело вздохнул Рыбников. Потом махнул рукой: – Ладно! Кто там еще будет?

– От школы ушу – Жихарева команда.

– Знаю, – кивнул Рыбников.

– Рукопашники Щекина.

– Годные ребята. Если бы Пашка в религию не ударился и от националистов всяких подальше держался, цены бы им не было. Хотя бойцы у него есть неплохие. Тренирует он их сурово.

– Никита! – укоризненно посмотрел на него Чубенков. – Нельзя же так открыто демонстрировать неприятие общественных настроений.

– Давай об этом как-нибудь потом, – отмахнулся Рыбников. – Кто еще?

– И школа русского боя Алексеева.

– Плясуны-ведуны, – усмехнулся Рыбников. – Удивительно, что Борис, бывший капитан милиции, такой дурью мается.

– Да. Отец Никифор тоже возражает. Они же язычниками себя считают. Но Васильев захотел и их. Он всё-таки спонсор, всё оплачивает.

– Подожди, там отец Никифор будет?

– Ну, ты же знаешь, без этого сейчас никак. Возрождение духовности, традиции и все такое.

– Это понятно. Но не могли кого попримечнее подобрать? Хоть отца Александра из церкви Покрова. Умный человек, настоящий священник. Никифора мало того, что бог умом обделил, так он еще такое несет, что хоть сейчас за разжигание национальной розни...

– Так-то оно так, – закатил глаза Чубенков. – Но кое-кому в РУВД именно отец Никифор очень импонирует своей э-э-э... гражданской позицией. Меня попросили почаще привлекать его к подобным мероприятиям и к работе с молодежью. Ты на него большого внимания не обращай. Свою программу катайте и все. А я уж прослежу, чтобы он там сильно не расхотелся.

– Ладно, – вздохнул Рыбников, – ломаем там пару досочек.

– Ты карате или айкидо выставишь? – поинтересовался Чубенков.

– И то, и другое.

– Вот и отлично, – расплылся в улыбке коротышка. – Команда нужна человек шесть-восемь. Оружие там...

– Нунчаки, по закону, холодное оружие, – напомнил Рыбников.

– Под мою ответственность, – махнул рукой Чубенков. – И хорошо, чтобы ты еще с мечом японским своим что-то показал. Уж больно эффектно ты им на прошлых показательных рубил.

– Ладно, – с явной охотой согласился Рыбников.

– И вот еще. Надо, чтобы в команде хоть одна женщина была. Сам понимаешь, народность, массовость. Все согласились.

– Будет женщина, – усмехнулся Рыбников. – У нас инструктор по айкидо есть, Таня. Хорошая девочка.

Глава вторая, о том, что бывает на тренировке

Антон в очередной раз выполнил укеми¹ и отметил про себя, что падать он в последнее время научился прилично. Осталась «самая малость» – научиться выполнять броски и делать контроли. То есть собственно и освоить технику айкидо.

– Ну, – Таня встала перед ним, – попробуй сам.

Антон поднялся. Таня, хрупкая, очень красивая девушка, совсем не выглядела грозным противником. Милое личико, обрамленное коротко подстриженными темными волосами, и стройная фигурка создавали впечатление незащищенности. Никто и никогда, глядя на эту привлекательную девушку, не мог бы подумать, что Таня является одним из инструкторов в клубе восточных единоборств. Но именно она добилась наибольших успехов в айкидо из всех, кто занимался у Рыбникова.

Еще десять лет назад, когда большинство ребят занимались только карате и, что греха таить, с усмешкой относились к «балету на татами», она первая перешла к Никите Викторовичу в зал айкидо и стала заниматься у него. Было ей тогда пятнадцать лет. Все сочли, что для девчонки лучшего занятия не найти. Смешки кончились, когда у Тани появились первые успехи. А потом, когда один за другим ребята, дошедшие до коричневых поясов в карате, пошли к Рыбникову с просьбой научить айкидо, а он, не моргнув глазом, отсылал всех на первичную подготовку к Тане, ее авторитет вырос неизмеримо.

Тайно в Таню было влюблено большинство ребят. А она, чувствуя всеобщее внимание и свое превосходство над столькими мужчинами, вела себя как королева. Антон знал, что у Тани периодически появлялись ухажеры и из клуба, и со стороны, но дольше пары месяцев не задерживались. Очевидно, у девушки были очень высокие требования к кандидатам в женихи. Знаки внимания со стороны Антона она принимала благосклонно, но на все приглашения на свидания отвечала отказом, ссылаясь на занятость. Так что тренировки в клубе, такие, как сейчас, были для Антона единственной возможностью встретиться с дамой своего сердца.

– Давай, – Антон подставил руку для захвата.

Она не сильно, но достаточно цепко обхватила пальчиками его запястье. Он начал прием и тут же понял, что делает что-то не так. Таня поддалась на его движение, но совсем не так, как ожидалось.

– Ух, здоровый какой, – усмехнулась Таня, без видимых усилий проводя контрприем и отправляя парня носом в татами. – Антошка, я же говорю, здесь не силой надо. Это тебе не доски ломать.

Антон поднялся на ноги и произнес недовольным голосом:

– Доски тоже простой силой не очень-то ломаешь.

– Ну, так в чём же проблема? – покровительственно улыбнулась Таня. – Трехдюймовки ломаешь, как орешки щелкаешь. Твоими призами весь кабинет Никиты уставлен, а хрупкую девушку бросить не можешь.

– Ничего, дай срок, – пробурчал Антон.

Он резко повернулся к входной двери и поклонился. Его примеру последовала Таня. В дверном проеме, в своем деловом костюме, в белой рубашке, при галстукке, но без туфель, в одних носках стоял Рыбников. Ответив на поклон коротким кивком, он мягко прошел в зал:

– Оставьте вы свои китайские церемонии. Над чем работаете?

– Сихо-наге, Никита Викторович, – ответил Антон.

– И как успехи?

– Да никак, – пожал плечами Антон.

¹ Укеми – страховка при падении в айкидо.

– Покази, – скомандовал Рыбников, захватывая запястье Антона.

Антон попробовал выполнить прием, но не смог сдвинуть руку учителя ни на сантиметр. Высокий и широкоплечий Рыбников возвышался над ним, как скала, и стоял на татами, словно вкопанный. Со стороны могло показаться, что неразумный молодой человек пытается сдвинуть с места прочно привинченную к полу гранитную статую.

– Антон, – укоризненно произнес Рыбников, отстраняя его рукой, – я же говорил, сила здесь не при чем. Я понимаю, вам кажется, что я просто физически сильнее, но, смотри, мой мизинец явно слабее, чем Танины руки.

Он подал Тане руку, выставив мизинец, она ухватила за этот палец и тут же, следуя мощному движению Рыбникова, полетела на татами, описав внушительную дугу в воздухе. Приземлившись и перевернувшись, Таня быстро встала на ноги и несколько секунд вертела головой, явно потеряв ориентацию в пространстве.

– Партнера надо чувствовать, вести его, куда он сам хочет идти, а потом использовать его усилие в своих интересах, – улыбнулся Рыбников. – А вы всё силой решить норовите. Если бы я так в бизнесе действовал, то до сих пор бы мелким торговцем оставался. Ладно, с этим еще поработаем. Сейчас для вас специальное задание. Я был в администрации. Просят выступить с показательным выступлением на фестивале боевых искусств. Если хорошо себя покажем, клуб может получить финансирование из бюджета. Танечка, ты с Костей подготовь показательную программу по айкидо. Ты, Антон, с Сережей Паком возьмете пару толковых ребят из младших и продумаете выступление по карате. Через две недели покажете мне. Досок там сломайте с десяток. Публике это нравится. И обязательно покажи ката с двумя нунчаками.

– Да я-то еще с двумя не очень... – смутился Антон.

– Ничего, – махнул рукой Рыбников, – обращаешься грамотно, смотрится прилично. А работать парным оружием против реального противника тебя никто не заставляет.

– Хорошо, – кивнул Антон.

– Нунчаки можешь взять боевые, они эффектнее. Мне в администрации разрешили. Я сам с мечом выступлю. Ладно, ребята, вы закончили?

– Да, на сегодня всё, – ответила Таня.

– Ты домой? – поинтересовался Рыбников у Тани. – Могу подбросить.

– Спасибо, – Таня с достоинством кивнула.

Через двадцать минут Антон стоял около своего старого «опелёчка» и делал вид, что прогревает мотор. Величаво ступая по асфальту двора, снисходительно улыбнувшись и кивнув партнеру по тренировке, мимо него прошла Таня. Рыбников распахнул перед ней дверцу своего «лексуса» и махнул рукой Антону.

Антон вздохнул, сел в машину и включил передачу. В голове еще вертелись эпизоды тренировки... и насмешливые Танины глаза. Усилием воли он заставил себя вернуться в реальный мир. Мир, где он был молодым специалистом, тщился заработать денег и найти свое место в жизни... и не находил.

«Вот бы послать все к черту и уехать куда-нибудь, – подумал он. – А еще лучше, как в фантастических романах, переместиться в мир, где все зависит только от тебя и твоего меча. Где можно было бы вести жизнь вольного воина и опираться лишь на законы чести и воинскую доблесть. Это был бы мой мир».

Глава третья, о том, как опасно давать тайные знания неподготовленным людям

Зал зимнего стадиона был ярко освещен множеством ламп. Немногочисленные зрители громко переговаривались, сосали пиво из банок и хрустели попкорном. Что делать, давно минули девяностые годы, когда показательные выступления школ боевых искусств собирали толпы. Сейчас на бои без правил может еще и пойдут, а на это...

В центре зала разместилась странная троица. Посередине стоял лысоватый коротышка Чубенков – представитель районной администрации. Как обычно, он был в дешевом сером костюме, черных туфлях, белой рубашке и при сером галстуке. Впрочем, те, кто успел разглядеть его поближе, могли заметить золотой «Ролекс» на запястье чиновника. По правую руку от него, переминаясь с ноги на ногу, стоял отец Никифор в рясе с большим крестом на груди. Он недовольно осматривал спортсменов и что-то бормотал себе под нос. По левую руку от чиновника возвышался Сергей Семенович Васильев – бизнесмен и спонсор фестиваля. Он тоже был одет в костюм, но уже дорогой. Вместо рубашки под его пиджаком виднелась темная футболка, поверх которой красовалась массивная золотая цепочка. Туфли из светлой кожи заметно диссонировали с темным костюмом.

Перед этой странной троицей застыли представители четырех школ единоборств. На правом фланге, гордо задрав головы, в расписных рубахах и широких штанах, но в спортивных тапках, призванных заменить лапти, стояли семеро бойцов школы русского кулачного боя Бориса Алексеева. Сам тренер, и по совместительству главный жрец Перуна занял место во главе. В руках он держал увесистый посох. Остальные были вооружены менее тяжелыми палками, сильно смахивавшими на черенки от лопат из хозяйственного магазина. Безоружной оставалась только молодая, чуть полноватая девушка с русыми волосами, заплетенными в длинную толстую косу. Лицо девушки было миловидным, хотя и простоватым, слегка испорченным веснушками. В ярко расшитом русском платье, с гармошкой в руках она замыкала строй. Скользя по ней похотливым взглядом, Чубенков быстро отвернулся, «забрав товар».

Слева, на приличном расстоянии от «поганных язычников» выстроилась восьмерка рукопашников под руководством Павла Щекина. Все как один гренадерского роста, широкоплечие и мускулистые, они были одеты в армейские камуфлированные штаны, темно-зеленые футболки и десантные ботинки. За плечами у них висели автоматы Калашникова, как знал Чубенков, без боекомплектов, со спиленными бойками и просверленной казенной частью, но зато с вполне реальными, хотя и затупленными штык-ножами. Чубенков вспомнил, как вздрогнул сегодня утром, когда узнал, как вооружил своих подопечных Щекин. Сам глава школы, в казацкой форме и при погонах хорунжего, стоял впереди и левой рукой прижимал к бедру казацкую пашку, комплекс упражнений с которой он намеревался продемонстрировать на показательных выступлениях.

– Слушай, не дай бог они друг друга порвут этими штыками, – шепнул на ухо чиновнику смотревший в том же направлении Васильев.

– Павел обещал, что все будет нормально, – так же шепотом ответил Чубенков.

Всегда уделявший большое внимание женскому полу Чубенков не без труда отыскал в строю угрюмых парней коротко стриженную и чрезвычайно похожую на хулиганистого мальчишку-подростка девушку. Посмотрев в глаза этому, как он сразу понял, «мужику в юбке» (хотя юбку девица, наверное, принципиально не носила), чиновник сразу сообразил, что ловить здесь нечего.

Рядом с рукопашниками располагалась семерка ушуистов в традиционных китайских костюмах. В руках у них было различное учебное оружие, от шестов и цепов до сделанных из

алюминия мечей разных размеров и форм. Наметанный глаз Чубенкова сразу выделил среди них невысокую хрупкую блондиночку. По восторженным глазенкам девушки Чубенков понял, что обработать и затащить в постель эту козочку большого труда не составит.

На левом фланге построение замыкала школа японских единоборств Рыбникова. Одежду «японцев» составляли традиционные белые кимоно, но на ногах у них всё же были спортивные тапки. Пол за пределами небольшого татами в центре зала был бетонный, покрытый линолеумом, и Рыбников приказал своим ученикам надеть обувь. Сам глава школы, одетый в кимоно и черную хакаму², с самурайским мечом в левой руке стоял впереди строя. Чубенков знал, что этот меч был подарен Никите в одной из японских школ, где он проходил аттестацию. За спиной Рыбникова замерли четверо парней в белых кимоно с поясами черного, коричневого и синего цветов. Рядом тихо переговаривались парень и девушка в хакамах поверх кимоно. Девушка была высока, наверное, почти на полголовы выше Чубенков, носила короткую стрижку и была очень, очень красива. По смелому взгляду, уверенной осанке и выражению лица Чубенков понял, что это очень непростая, гордая, своенравная женщина с сильным характером.

«Опять Никита себе лучшее отхватил, – раздраженно подумал Чубенков. – Надо у него узнать, если у него на эту девицу видов нет... Ух! Рестораном здесь не отделаешься. Надо будет командировку в Европу выбивать, в Париж или Рим, не меньше. Ее референтом оформлять, а там – всё самое лучшее и дорогое. Лучшие клубы, поездки на дорогих автомобилях, загородные отели. Кое-где придется даже за свой счет. Дешево эта штучка не обойдется. Но она того стоит. Такие не часто встречаются, а уж за ночь с ними многое можно отдать. Почувствовать себя покорителем такой женщины – это даже слаще самого секса».

Чубенков перехватил угрюмый взгляд стоящего за спиной Рыбникова плечистого высокого парня с двумя нунчаками, заткнутыми за черный пояс, и отвел глаза.

Антон, слушая скучную и нудную речь чиновника администрации, тихо переговаривался с Сергеем Пакком.

– Слушай, – ворчал он, – зачем сюда попа притащили?

– Сейчас же без этого нельзя, – отозвался Пак, – политика.

– У меня как-то очень хорошо получается без них тренироваться, – заметил Антон.

– Цыц, – бросил им через плечо Рыбников.

Ребята замолкли. После речи низкорослого представителя администрации выступил священник. Гудящим, как огромный колокол, голосом он возвестил о роли духовности в любом деле, включая ратное, и о необходимости, не щадя живота своего, оборонять родину от всяких иноземцев и чужеродных влияний. Потом слово взял спонсор. Не без удовольствия Антон отметил, что изначально не очень понравившийся ему человек говорил коротко, по делу и вообще, похоже, был весьма неглупым мужиком.

Наконец, официальная часть закончилась, чиновник объявил фестиваль открытым. Открыть фестиваль было предложено школе русского кулачного боя. Вперед вышел ее глава, отставной капитан милиции Борис Алексеев, и объявил, что клуб «Велес» решил поприветствовать участников фестиваля древним народным обрядом, как было принято много столетий назад у наших далеких предков.

По рядам рукопашников пролетел недовольный ропот. Антон заметил, что священник принялся что-то яростно шептать на ухо чиновнику, но спонсор небрежно махнул рукой, и представитель администрации, поморщившись, произнес:

– Давайте.

² Широкие штаны, традиционная самурайская одежда, входящая сейчас в стандартную тренировочную одежду поклонников айкидо, дзю-дзюцу и кэндо.

В центр зала вышел молодой белобрысый паренек, воздел руки к небу и заголосил какую-то абракадабру тоненьким голоском.

«Лучше бы тренировались, чем этой белибердой заниматься», – подумал Антон.

Вначале было заметно, что парнишка очень волнуется, но потом его голос окреп и усилился. Антон обратил внимание, что священник тихонечко перекрестился. Снова взглянув на белобрысого, Антон увидел, что тот уже вошел в транс, его бьет крупная дрожь, а слова вылетают будто сами собой. Свет ламп под потолком будто стал менее ярким, а вокруг собравшихся на площадке стадиона разлилось голубоватое свечение. По тому, как растерянно вертели головами окружающие, Антон понял, что все это ему не привиделось.

Свет ламп померк, сияние вспыхнуло необычайно ярко и исчезло. Теперь все, кто прежде стоял на площадке зимнего стадиона, обнаружили себя в огромном зале со стенами, сложенными из мощных каменных блоков, плотно пригнанных друг к другу. Столь же массивными каменными плитами был вымощен и пол. В правом конце зала, освещенный солнечным светом, проникавшим через большие прямоугольные отверстия, высился каменный идол, метров шесть в высоту, с внушительным круглым животиком и большими глазами навывкате.

– Не понял, – протянул первым пришедший в себя Василь, – Господи, спаси и сохрани, – взвизгнул священник.

Парнишка, только что закончивший читать заклинание, обвел взглядом мрачные каменные стены, почесал затылок и удивленно пробормотал:

– Это чего?

– Ты что натворил? – подскочил к нему, размахивая кулаками, главный жрец Перуна Алексеев.

– Не знаю, – потерянным голосом проблеял белобрысый, – когда репетировали, всё нормально было. Та бабка сказала, что это заклинание на добрых духов.

– Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет, – громко произнес Антон.

– Господи, спаси, сохрани и помилуй! – уже громко взвыл священник, истово крестясь.

– Стоп, граждане, – шагнул вперед Чубенков. – Мы, вообще, где?

В зале воцарилось молчание. Все в растерянности принялись оглядывать обступившие их стены, идола и друг друга. Рыбников, заткнув меч за пояс, твердыми шагами направился к видневшемуся в дальнем конце зала дверному проему. За ним молча последовали остальные.

Антон тоже прошел к выходу и, как и многие, присвистнул, пройдя через массивные каменные ворота, ведущие наружу. Чисто убранная площадка, диаметром метров в сорок, примыкала к входу в храм неведомого божества. Ее вплотную обступал субтропический лес. По пальмам и ветвям эвкалиптов с дикими криками носились обезьяны. В отдалении возвышались кипарисы. Громко кричали пестрые попугаи. Солнце, стоящее в зените, палило нещадно.

– Не понял, – произнес вышедший вперед Чубенков. – Мы где?

– В субтропиках, полагаю, – спокойным голосом, словно о чем-то само собой разумеющимся, ответил Рыбников.

– За грехи наши, – возвестил отец Никифор. – Говорил я, не допускайте языческих обрядов. В ад сие бесовство только и приведет.

– В ад, не в ад, а вот вернуться домой я был бы не против, – проворчал Васильев.

Глава четвертая, о том, как нелегко существовать в неопределенности

Стоя в дверном проеме, Васильев окинул взглядом площадку перед храмом. Четыре группы молодых людей, разбившись строго по школам, сидели поодаль друг от друга и переговаривались. Было видно, что все обескуражены. Отдельно от всех, обхватив голову руками, сидел парнишка, прочитавший заклинание, которое, очевидно, и было причиной столь странного перемещения.

С того момента, как они попали сюда, прошло уже часа два. За это время были перепробованы все доступные способы быстрого возвращения. Вначале, когда после короткого спора большинство присутствующих согласилось, что они попали в это неведомое место с помощью магии, отец Никифор объявил – только молитва Господня сможет вернуть их назад. Он быстро провел молебен на площадке перед «языческим капищем». На службе истово молились и крестились рукопашники, один ушуист, Чубенков и сам Васильев. Остальные стояли в стороне. Когда стало ясно, что молитва не помогла, Никифор предал анафеме главного жреца Перуна Алексеева и парнишку, читавшего заклинание, но и это не принесло результата. Храм никуда не исчез, и родной зимний стадион обратно не появился. Впрочем, хотя глава рукопашников Щекин напомнил, что «анафема» – это отлучение от церкви, а отлучать тех, кто к церкви не принадлежит, как бы и смысла нет, оба «проклятых язычника» выглядели очень расстроенными.

Отец Никифор прочитал еще несколько молитв, с прежним успехом. Тогда, очевидно, разочаровавшись в христианских методах, Васильев попросил всех вернуться в храм и построиться так, как они стояли при телепортации, а парнишку-ведуна повторить заклинание. Люди подчинились, кто-то нехотя, кто-то радостно и с надеждой. Даже отец Никифор, заявив протест против участия в языческом шабаше, встал на свое место. Незадачливый ведун срывающимся голосом прочитал заклинание, но ничего не произошло.

После первой неудачной попытки Васильев на всякий случай попросил отца Никифора не креститься и не плевать через плечо во время обряда, поскольку это может ослабить действие чар. Нехотя священник согласился, однако и второе, и третье чтение заклинания не дало никакого результата.

Тогда вперед вышел главный жрец Перуна и исполнил несколько обрядов, весьма загадочных, но не только не вернувших невольных странников домой, но и никак не поменявших окружающий пейзаж.

Разочаровавшись теперь уже и в потугах язычников, Васильев вежливо осведомился, не владеет ли глава школы ушу Жихарев какими-нибудь тайными даосскими обрядами, которые могут помочь в данной ситуации, но получил отрицательный ответ. Посмотрев в глаза Рыбникову, спонсор, по-видимому, сразу понял, что японские ками и тэнгу тоже вряд ли смогут помочь, и дал команду расходиться.

Все вышли из храма, в котором было всё же достаточно прохладно, а сам Васильев с отцом Никифором, Чубенковым и всеми четырьмя главами представленных на фестивале школ расположился на его ступенях.

– Ну что скажете, братцы, – начал он, – где мы хоть?

– Где-то на юге, – потянул воздух носом глава «китайцев» Жихарев. – Влажно. Субтропики. Это может быть Америка, или где-то в Азии, какой-нибудь остров в Тихом океане. Что за божок в храме, я понятия не имею. Но больше похоже на что-то азиатское.

Отец Никифор истово перекрестился.

– Очень точный адрес, – проворчал Чубенков. – Может мы все же в Абхазии, скажем, – с надеждой добавил он.

- Нет, – покачал головой Щекин. – В Абхазии я был. Мы точно не там.
- Надеюсь, что мы хоть в нашем мире, – протянул главный жрец Перуна Алексеев.
- Доигрались вы со своим язычеством, – злобно бросил ему Щекин.
- Стоп, братцы, – скомандовал Васильев. – Ссориться будете, когда домой вернемся.

Давайте решать, что делать дальше.

- Ясно что, выбираться отсюда, – буркнул Щекин. – Вон дорожка в лесу. Идти надо.
- И сразу в российское посольство, – добавил Чубенков.
- Интересно, что мы скажем в посольстве? – поинтересовался Алексеев.
- Давайте сначала выйдем отсюда, – поежился чиновник.
- А куда придем? – поинтересовался Жихарев. – Если места дикие, здесь могут жить очень негостеприимные племена. Могут и напасть, если мы на их территорию зайдем.
- А ты уверен, что мы сейчас не на чьей-нибудь территории? – поинтересовался у него Рыбников. – Храм-то чисто убран, площадка перед входом не заросла. За ним ухаживают.
- Значит, рядом есть люди, и мы можем их найти и сориентироваться, – повеселел Васильев. – Ну что, идем?
- Давайте для начала обсудим, как с ними будем разговаривать, – предложил «китаец» Жихарев.

И тут лес огласился дикими криками.

Глава пятая, о первой схватке и первых жертвах

Антон сидел в кругу ребят из своего клуба. Беседовали, естественно, о том, куда они попали и как это случилось. Шок первых минут прошел, а после комедии с ритуалами, устроенной спонсором, чувство реальности окончательно вернулось ко всем присутствующим. Если, конечно, человек, непонятным образом в мгновение ока перенесшийся из России в неведомый храм в субтропиках, может говорить о чувстве реальности.

Сами не зная о том, ребята полностью повторили рассуждения «командиров» и быстро пришли к выводу, что попали они либо в южную Индию, либо в Малайзию, и лучшее, что можно придумать, это идти по виднеющейся в лесу тропинке. Сейчас Таня сидела, обхватив колени руками, и молчала, а парни активно обсуждали, что могло явиться причиной их столь внезапного переноса в пространстве.

– Доигрались эти язычники, – ворчал Пак. – Где только такое заклинание нашли?

– Да он же сказал, у какой-то бабки, – ответил Антон. – Никогда бы не подумал, что такие вещички работают.

– Он, кажется, тоже, – хмыкнул Пак.

– Хотел бы я знать, когда мы до цивилизации доберемся, – произнес Толя, один из молодых ребят, обладатель синего пояса по карате.

– Да, и с каким местным населением мы еще здесь встретимся, – покачал головой Антон. – Не думаю, что здесь живут спокойные миролюбивые финны.

И тут из лесной чащи, держа длинные бамбуковые палки наперевес, выскочили человек двадцать белобрых бородатых мужиков, в рубашках и штанах из мешковины, плетеных лаптях и кинулись на сидящих на поляне людей.

Все вскочили со своих мест. Антон выхватил из-за пояса нунчаки. Одну пару он тут же передал Паку, другую зажал в руках, готовясь к бою. На них неслись четверо атакующих. Антон увидел, что к бамбуковым палкам прикреплены металлические наконечники. Попросту говоря, это были самодельные копья.

Шагнув вперед, Антон увернулся от выпада копья и ударил нунчаками по голове противника. Тот охнул и повалился на землю. Тут же перед парнем предстал второй нападающий. Этот уже осторожничал: делал неглубокие выпады и тут же отступал. Антон никак не мог сблизиться с ним настолько, чтобы достать его своим оружием. Ему уже стало ясно, что перед ним противник, не слишком искусный в бою, но всё же достаточно опасный со своим самопальным копьем. По левую руку от Антона возник Толя, по правую – Таня.

– Таня, уйди! – крикнул Антон.

Где-то сбоку что-то дважды грохнуло. Крики на площадке усилились, и через несколько секунд мужик, с которым дрался Антон, резко развернулся и бросился наутек. Пробежав вслед за ним несколько шагов, Антон остановился. Тут же мимо него пронесся еще один нападающий. Обернувшись, Антон увидел, как айкидока Константин с Колей, вторым синим поясом из секции карате, прижимают к земле четвертого нападающего. Костя выкрутил его правую руку, а Николай неумело пытался завести левую за спину. Впрочем, Антон сразу понял, что это не требуется, настолько качественно выполнил прием Константин. Пак, сжимая нунчаки в руках, осматривал лес.

Антон оглянулся в сторону храма, увидел, что спонсор сидит на ступеньках, зажимая рукой с пистолетом рану в левом плече.

– Ребята, тащите сюда тех, кого захватили! – крикнул Рыбников, стоящий чуть поодаль с обнаженным мечом в руке.

Константин с Николаем подняли пленного и повели к храму. При этом Костя настолько умело перехватил руку, что мужик не успел даже охнуть. Сделав знак Толе, Антон заткнул за

пояс нунчаки. Они подхватили поверженного Антоном нападавшего и поволокли туда, куда указал Рыбников. Антон заметил, что два рукопашника тащат в том же направлении еще одного оглушенного пленника.

Когда они подошли к входу в храм, их наставник уже колдовал над раной спонсора. Даже не обернувшись, он скомандовал:

– Таня, здесь я разберусь. Посмотри остальных. Есть раненые.

– А она умеет? – нахмурился Чубенков.

– Она врач-терапевт, – буркнул Рыбников. – Два года назад медицинститут закончила.

Таня тут же исчезла, а Рыбников, обернувшись к Чубенкову, приказал:

– Снимайте рубашку и рвите на бинты. Рану надо перевязать.

– Почему я? – возмутился чиновник.

– Я сказал, снимайте! – рявкнул Рыбников.

Повертев головой и не найдя у окружающих сочувствия, Чубенков снял рубашку и передал ее двоим рукопашникам, которые тут же принялись резать ее штык-ножами на длинные полосы.

Рыбников помог Васильеву скинуть с плеча пиджак, разорвал футболку и принялся перевязывать рану, приговаривая:

– Плохо, что нет дезинфекции, но терпи, Сергей. Рана не опасная. А я и не знал, что ты все еще при оружии ходишь.

– Полезный аксессуар и в наши дни, – морщась от боли, ответил Васильев.

Закончив перевязывать спонсора, Рыбников повернулся к подошедшей сзади Тане. Руки у девушки тряслись, а неестественная бледность говорила, что она находится на грани срыва.

– Что там, Таня? – спокойно спросил Рыбников.

– У ребят небольшие раны, – отстраненным голосом произнесла Таня. – Сейчас перевяжу. Трое нападавших убиты. Двоих спонсор застрелил, третьего рукопашники штыком... И еще этот, язычник...

– Что язычник? – не понял Рыбников.

Таня показала рукой в сторону, отвернулась и села на землю. Толпа, окружившая «командиров», расступилась, и все увидели лежащего на земле без движения парнишку, который читал проклятое заклинание. На его рубаше, прямо напротив сердца расплывалось большое красное пятно.

Глава шестая, о том, что любая фантастика может оказаться реальностью

По команде Рыбникова все быстро направились в храм. Как сказал глава «японцев», если у аборигенов имеется привычка атаковать с копьями наперевес, то они могут и начать обстреливать незваных гостей из луков. Как только в храм внесли тела убитых и втащили пленных, Рыбников приказал Коле и одному из рукопашников встать на страже у входа. Бой длился всего несколько минут, но за это время нападавшие потеряли шестерых: трое были убиты, трое попали в плен. Копья пленных и убитых были распределены между безоружными, как и седьмое, брошенное неизвестным противником и чуть не стоившее жизни спонсору.

Сам Васильев, более или менее пришедший в себя после ранения, немедленно распорядился, чтобы отряд ушуистов самым внимательным образом обыскал храм, и вместе с остальными «командирами» направился к сидевшим у стены пленным. Теперь общее внимание обратилось на них.

Менее всего пленники походили на аборигенов Азии или тихоокеанских островов: все как один белобрысые, голубоглазые, бородатые и достаточно рослые, с ярко выраженными европеоидными чертами. Тот, которого взяли айкидоки, баюкал вывихнутую руку. Двое других уже пришли в себя и молча озирались.

– Интересная картина, – проговорил Васильев.

– Хотел бы я знать, кто они такие, – поддержал Чубенков.

– Do you speak English?³ – обратился к пленным Рыбников.

Внезапно один из пленных, выпучив глаза, выдал длинную фразу на непонятном языке.

– Да он по-фински говорит, – вскрикнул один из рукопашников.

– А ты по-фински понимаешь? – повернулся к нему Рыбников.

– Да почитай раз десять в год в Финляндию мотаюсь, – самодовольно ответил парнишка. –

Челночу.

– Ну и что он сказал? – тут же поинтересовался Чубенков.

– Да бред какой-то, – фыркнул парень.

– А ты все же переведи, – попросил Рыбников.

– Он сказал, что мы будем наказаны за нарушение покоя храма великого Кирипуки.

– Точно бред, – хмыкнул Васильев.

– Спроси, – приказал Рыбников, – кто они и как давно здесь живут.

Парень перевел вопросы, выслушал ответ и проговорил, явно сбитый с толку:

– Они говорят, что принадлежат к племени Оти, а живут они здесь со времен, предшествовавших великой тьме. Он говорит, что весь его народ зовется суоми. Но русские называют их финнами, потому что у них лучшие в этих местах финиковые пальмы.

– Спроси, веруют ли они в Иисуса Христа, – выступил вперед отец Никифор.

Парнишка передернул плечами, но перевел вопрос и затем огласил ответ:

– Говорит, что этого человека они не знают, но если им его покажут, то обязательно поверят.

– Спроси, – скомандовал Чубенков, – не знают ли они, где живут ближайшие европейцы. Ответ обескуражил всех.

– Они говорят, – сообщил парнишка, – что вся эта земля зовется Европой. И сами они европейцы, как и свей, и дойчи. Он спрашивает, к какому народу принадлежим мы.

– Скажи, что мы русские, – распорядился Чубенков.

³ Говорите ли вы по-английски? (англ.)

– Он говорит, – перевел ответ пленника парень, – что так и думал. Правда, был очень удивлен нашей одеждой и оружием. До русских поселков всего три дня пути.

Присутствующие изумленно переглянулись. Пленный произнес еще одну длинную фразу.

– Он спрашивает, чем мы занимаемся, – перевел рукопашник.

– Боевыми искусствами, – ответил Щекин.

Услышав ответ, финны начали бурную дискуссию между собой.

– О чем они говорят? – с тревогой в голосе спросил Рыбников.

– Сложно понять, – отозвался переводчик, – что-то про разбойников и грабителей. А-а!

Они считают нас разбойниками...

Внезапно, как по команде, все трое пленных сорвались с места и, оттолкнув стоящих ближе всего к ним конвоиров, бросились к выходу. Никто не успел среагировать, однако у выхода их встретили стоящие на страже рукопашник и каратека. Двое мужиков, разом кинувшись на Колю, сбили его с ног и выскочили из храма. Но второй замешкался и получил удар штыком в область сердца. Застонав, он рухнул ничком на пол храма.

– Да что же вы без убийства не можете! – отчаянно закричал Рыбников, подбегая к раненому. Тот уже бился в агонии.

Глава седьмая, о выборах главнокомандующего

Теперь уже главы школ, чиновник, спонсор и священник сидели у подножья идола, очевидно, Кирипуки. Их подопечные понуро разбрелись по разным сторонам храма, разбившись опять же строго в соответствии со своими школами. Вход теперь охраняли Пак и один из кулачников.

– Короче, – хлопнул себя по ляжке Васильев, прекращая явно затянувшуюся и бесплодную дискуссию, – кончай базар. Время только зря тратим. Предлагаю каждому коротко высказаться – что он считает нужным делать и почему. Сам скажу так: попали мы в места, явно далекие от цивилизации. Эти финны, наверняка, какие-нибудь хиппи, сбежавшие от цивилизации и одичавшие. Но про европейцев они слышали. Поэтому предлагаю выйти на поиски нормальных людей. Тем более что еды у нас нет, а храм, того и гляди, подвергнется новой атаке. Хоть Жихарев и нашел родник, на одной воде долго не просидишь. Что скажете?

– Согласен, – вскинулся Чубенков. – Давайте уходить отсюда.

– Вообще-то, версия насчет одичавших финнов не выдерживает никакой критики, – заметил ушуист Жихарев. – Неужели они так одичали, что субтропики от Скандинавии отличить не могут? Я всё же склонен думать, что нас занесло в другой мир. Что касается предложения, согласен, надо искать дорогу отсюда. С этим народом мы уж больно нехорошо поздоровались. Четыре трупа уже.

– Это адские места, – заявил отец Никифор, – где имени Господа Иисуса не слышали. И посланы мы сюда за грех участия в игрищах дьявольских. Потому язычников поганых от наших рядов отвергнуть надо и воинством христовым, помолясь, идти искать земли христианские.

– А вы уверены, отец Никифор, что вас лучше поймут, если вы будете изъясняться на церковнославянском? – спросил Рыбников.

– Разделяться не будем, – отрезал Васильев. – У нас сейчас каждый человек на счету. Если будет новое нападение, по отдельности нас могут перебить. Давайте дальше. Что скажешь, Борис?

– Думаю, мы всё же в другом мире, – покачал головой главный жрец Перуна Алексеев. – Но то, что здесь есть люди, говорящие по-фински и слышавшие о каких-то русских, радует. Может, здесь есть кто-то поближе к нам. Может, этот мир зеркальный... Не знаю. В общем, надо идти искать этих русских.

– Зеркальный не зеркальный, Малайзия или Филиппины, – пробурчал рукопашник Щекин, – а цивилизованных людей искать надо. Я за поход.

– И я тоже, – поддержал его Рыбников. – Только мы здесь, считай, в боевых условиях. Если что произойдет, действовать надо быстро и согласовано. Иначе, если кого в пути встретим, опять великий хурал будем собирать на тему: «Что делать?» Надо выбрать старшего.

– Так что же, – поднял брови ушуист Жихарев, – ребят звать будем?

– Зачем нам балаган? – пожал плечами Рыбников. – У меня свои ребята, у тебя свои. Кого ни выберем, они всё равно тебе и мне подчиняться будут, если головы на плечах есть. А вот между собой мы должны договориться. Иначе ничего хорошего не будет.

– Согласен, – буркнул Щекин.

– О чем вообще спорить? – взвился Чубенков. – Я как представитель власти принимаю командование на себя.

– Сиди, – презрительно бросил ему Васильев, – ты у себя в кабинете командовать да баб по гостиницам тискать горазд. А здесь от тебя пользы как с козла молока. Я предлагаю избрать... Никиту.

– Нет, – покачал головой Рыбников, – избирать кого-то из глав школ неправильно. Его главенство в полной мере не примут остальные. Выводить нас должен ты, Сергей.

– Ну, если вы так считаете... – не без самодовольства отозвался Васильев. Было заметно, что он рассчитывал именно на такой ответ.

– Владимир Владленович Чубенков – представитель власти, Богом нам данной, – возвестил отец Никифор, – и он должен возглавить поход сей.

– А я за Васильева, – заявил Жихарев.

Рукопашник Щекин несколько раз обвел взглядом собравшихся, потом посмотрел на отца Никифора, потупился и проговорил:

– А я за Чубенкова.

– Я за Васильева, – подал голос кулачник Алексеев.

– Так, – подытожил Рыбников, – четыре против трех. Я думаю, итог выборов ясен.

– Нет, не ясен, – вскочил на ноги отец Никифор. – Не пойдут православные с язычниками погаными. Отдельно пойдут воины православные.

На лице у Чубенкова отразился плохо скрываемый испуг.

– Да я же православный, отче, – обиженно прогудел Васильев.

– А шабаш бесовский кто собрал?

– Тихо, – Васильев, как бы невзначай, положил руку на кобуру, висевшую у него на поясе. – Я сказал, выбор сделан. Выходить надо всем вместе. Пока я здесь командую, никакого самоуправства не будет. Ясно?!

Отец Никифор явно сник, но промолчал, а вот на лице у Чубенкова отразилось явное облегчение.

– Значит так, – скомандовал Васильев, – готовьте ребят к выходу. Пусть твои ребята, Борис, для парня погибшего могилу выкопают. Похороним да пойдем. – А может, с собой понесем? – предложил Алексеев.

– Я сказал – похоронить, – жестко скомандовал Васильев. – Жара. Представляешь, что с ним через сутки будет? Потом сразу выступаем. Если найдем дорогу домой, за телом всегда вернуться можно.

– Выступать будем на ночь глядя? – уточнил Рыбников. – Ты на солнце-то смотрел? Сколько до наступления темноты? Часа два, не больше. Значит, ночевать будем в лесу. Как раз, чтобы этим ребятам за своих убитых поквитаться было легче. Да еще неизвестно, какое зверье здесь водится, змеи, пауки. Здесь хоть каменный храм. Вход всего один. В случае чего отбиться легче. А на рассвете выступим. За день сможем оторваться прилично.

Васильев ненадолго задумался.

– Согласен. Так и сделаем. Значит так, Борис, скомандуй своим ребятам, чтобы твоего парня похоронили. А ты, Павел, отряди со мной кого-нибудь из своих рукопашников потолковее.

– Это зачем? – нахмурился Щекин.

Васильев неторопливо достал пистолет.

– А жрать вы что собираетесь? Я тут у вас один сейчас охотник. Но одному в лес соваться не хочется. А твои ребята и побоевитее, и экипированы получше. Ботиночки как раз для здешнего леса, ни одна змея не прокусит.

– Давай я пойду, – предложил Щекин.

– Не, ты здесь сиди. Я и сам справлюсь. А пока меня нет... слушаться будете Никиту.

Подойдя к своим ребятам, Рыбников поманил их к себе и быстро произнес:

– Утром выступаем. Попробуем найти следы цивилизации. Васильев командует.

Лица у всех вытянулись.

– Этот?! – Таня недовольно выпятила губу.

– Никита Викторович, – молящим голосом проговорил Антон, – да это же бандит.

– Спокойно, – тихо, но стальным тоном произнес Рыбников, – он мужик тертый, не полезет на рожон и не струсит в критической ситуации. Всех вместе только он вывести может. Так что будете Васильева слушаться... если я не скажу другого.

Глава восьмая, о мелких пакостях

Пока Рыбников наедине беседовал с Васильевым у подножья идола, его ребята тихо сидели кружком в одном из углов храма и лакомились мясом застреленной спонсором косули. Убитое единственным метким выстрелом животное зажарили на импровизированном вертеле, сделанном из трофейного копья, прямо посреди храма, используя надломанные ветки и листья пальм. Оставалось только радоваться, что и у Васильева, и у Чубенкова оказались зажигалки и что мяса хватило на всех.

Всевозможные версии происшедшего уже были обсуждены, и теперь уставшие и весьма изголодавшиеся ребята были полностью поглощены едой. Впрочем, в голове у каждого, конечно, все еще вертелись вопросы и версии. Каждый гадал, удастся ли им выпутаться из столь необычного приключения и вернуться домой.

В кружок подсел Чубенков. В надетом на голое тело пиджаке, из-под которого выглядывала волосатая грудь, чиновник выглядел весьма комично. Однако, стараясь изобразить уверенность в себе, Чубенков нахохлился и произнес покровительственным тоном:

– Ну что, ребята, отдыхаете?

Все молча кивнули и уставились на чиновника в ожидании развития столь банально начавшегося разговора.

– Не робейте, – чиновник явно играл веселость, – прорвемся. Главное, девушек беречь. Тебе как, красавица, не очень страшно?

Таня смерила его презрительным взглядом.

– А вам?

– Да мне чего, – запетушился чиновник, – русские везде пройдут. Ты главное – старших держись, они не подведут. Тебя как зовут?

– Таня.

– Вот что, Танюша, – Чубенков как бы невзначай придвинулся к Тане и приобнял ее за плечи, – если будут какие проблемы или обидит кто, ты ко мне подходи. Я все вопросы решу.

Девушка брезгливо скинула его руку и отодвинулась.

– Послушайте, любезный, – не выдержал Антон, – мы сами разные вопросы решать умеем и без посторонней помощи.

– А вы не кипятитесь, – снова нахохлился чиновник. – Ситуации разные бывают. Так или иначе, мы здесь граждане Российской Федерации и должны действовать согласно ее законам.

– А есть она здесь, эта Российская Федерация? – хмыкнул Пак.

Он четверть часа назад сдал пост у дверей храма новому.

– Обязательно есть. Не верю я в параллельные миры и инопланетян всяких, – заявил чиновник. – Да, в любом случае там, где мы, там Российская Федерация. А власть сейчас захватил, – он понизил голос до шепота, – сами видите кто. Васильев таких дел наделает, что вовек не отмоешься. В большую беду он нас завести может. В общем, так. Завтра с утра вы заявите, что Васильеву не подчиняетесь. Я дам знак, когда. Главное – у этого бандита оружие отобрать.

Но здесь рукопашники обещали помочь. Вы даже не вмешивайтесь. Главное, меня слушайте. Вместе мы сила. Вместе мы большие дела сделать сможем.

Чубенков гордо воззрился на Таню, любуясь ее красотой и стараясь продемонстрировать, что в его тщедушном теле кроется невидимый пока Наполеон.

– Вы с Никитой Викторовичем об этом поговорите, – предложил Антон. – А уж мы промеж себя, что надо, решим.

– Ребята, – Чубенков снова перешел на шепот, – ваш Никита Викторович человек, конечно, сильный, боец хороший, учитель карате, айкидо там. Но вы и с ним поосторожней. Вы прежде всего российские граждане, а Никита Викторович, он не всегда с законом дружен

был. Вы об этом пока не шибко распространяйтесь, но у него скоро большие проблемы с правоохранительными органами возникнуть могут. Да и сам он, знаете... В общем, он тоже не туда завести может.

– Знаете, любезный, – Антон вытащил из-за пояса нунчаки, – я вам советую от нас держаться на расстоянии не менее чем метров десять. Потому как я иногда с нунчаками неожиданно упражнения делать начинаю. Так, непроизвольно, себя не контролируя. Так уж, чтобы вам случайно промеж глаз не попало, стойте лучше подальше.

– Вы, молодой человек, поаккуратнее... – оскорбился Чубенков, обводя взглядом присутствующих и явно ища сочувствия.

Сочувствия он, однако, не нашел. И лишь Таня, мило улыбнувшись, произнесла:

– Не обижайтесь, Владимир Владленович, но мы уж сами, между собой всё решим.

Под неприязненными взглядами Чубенков поднялся, осмотрелся и направился к кружку кулачников. Ребята переглянулись, но обменяться впечатлениями не успели, поскольку рядом возникла фигура отца Никифора, который до этого сидел среди рукопашников и явно дожидался, пока чиновник отойдет от «японцев».

– А имеются ли среди вас православные? – осведомился он.

– Я крещеный, – смущенно произнес Толя.

– А на исповеди давно был? А причащался? – поинтересовался священник.

Толя отвел глаза в сторону и пробурчал:

– Ну, год назад.

– А остальные? – с надеждой в голосе спросил Никифор.

Молчание было ему ответом.

– Вот что, ребята, – священник опустил на корточки и понизил голос до шепота, – все мы грешные. Но Господь наш в милосердии своем прощает прегрешения людские, ежели грешники возвращаются к нему, как блудный сын к отцу своему. Посему ныне, когда низвергнуты мы бесовским наущением в адские пределы, во спасение душ наших бессмертных должны все обратиться к истинной вере. Ибо люди, ведомые грешником, заветам Господним не следующим, на погибель обречены, а души их – на вечные страдания в геенне огненной.

– Вывод? – спросил Антон, глядя прямо в глаза священнику.

– А беда в том, – продолжил Никифор, явно несколько сбитый с толка таким приемом, – что во главе отряда нашего встали нынче люди, Христа отринувшие и дьяволу душу предавшие. Оттого, во имя спасения душ ваших бессмертных, призываю вас не подчиняться бесам одержимым. Васильев, что командует ныне – бандит. Надо бы его арестовать и обезоружить. А идти мы должны под знаменем Христа и под водительством людей Божьих.

– То есть под вашим? – уточнил Антон.

– Мое дело молитва и духовное наставление, – кротко потупил глаза Никифор. – Для мирских же дел Бог иных слуг избирает. Представитель власти российской поход наш возглавить должен. Однако я здесь единственный священник. И оттого прежде вы меня слушаться должны, а уже потом владыку мирского, во имя спасения душ ваших.

– Да мы как-то всё больше с Никитой Викторовичем, – хмыкнул Антон.

– Рыбников ваш – грешник великий, – насутился священник. – Это он бандита во главу отряда нашего воздвигнул. Ишь, беседуют. Дьявольские культы на тренировках своих ввел, бесам поклоняться вас заставил. Он всё под себя гребет, мощну свою набивает. Вас использует к своей выгоде. Погубит он и жизни, и души ваши. Со мной же вы к подлинной вере и спасению придете. Чувствую я, что промысел Божий в том, чтобы мы в этих местах языческих символ истинной веры воздвигли, души язычников к Богу обратили. И вы, как воины православные, помочь мне в том должны. За то славу неизмеримую обретете и жизнь вечную в райских кущах. Потому, чтобы вам живыми остаться и души свои не погубить, не следует вам ни Васильеву, ни Рыбникову подчиняться. Следует вам восстать...

– Потому, отче, – передразнил его Антон, – чтобы вам сохранить свою жизнь и, простите, шкуру, советую немедленно сделать отсюда ноги.

– Грешно, юноша, – бросил на него ненавидящий взгляд Никифор. – Покайся, пока не поздно. – И, не дождавшись ответа, решительно заявил: – Отриньте его от рядов ваших. Ныне, кто вере православной предан, встаньте и следуйте за мной.

Он поднялся и сделал шаг в сторону. Однако все ребята остались на месте. Толя, бросив на священника тревожный взгляд, отвернулся и потупился.

– Вовеки прокляты будете, и гореть вам в геенне огненной, – объявил Никифор, развернулся и направился к кружку ушуистов.

– Зря ты с ним так, – укоризненно сказала Таня Антону. – Священник всё-таки.

– Извини, не сдержался, – Антон отвел глаза в сторону.

К ним подошел Рыбников и сел рядом с Паком.

– О чем речь? – поинтересовался он.

– Да вот, вербуют нас, – усмехнулся Антон. – То в добропорядочные граждане Российской Федерации, то в воины христовы.

– Ну а вы?

– А мы посылаем, – буркнул Антон.

– И всё в тебе эта каратекская дубовость сидит, – сокрушенно покачал головой Рыбников. – Я же говорил, надо не посылать и ломать, а сопровождать, брать под контроль и использовать. Тем более что эти идиоты, похоже, затеяли переворот.

– Вы уже знаете? – встрепнулся Антон.

– Мудрено не догадаться, – усмехнулся Рыбников. – Ну, что вам там предлагали?

Антон вкратце рассказал. Лицо Рыбникова посуровело.

– Я думал, у людей хоть чувство самосохранения есть, – вздохнул он. – Значит так, расклад более или менее понятен. Сейчас пойду Васильева предупрежу. Потом с Жихаревым и Алексеевым поговорю, а потом Щекина постараюсь образумить. А вы, после того как отойду, по одному, по два перемещайтесь к Васильеву. Если кто из рукопашников полезет, не пускайте. С Щекиным не ссорьтесь, сразу меня зовите. Это моя забота. В общем, будьте осторожны. Поняли?

– Ясно, – кивнул Антон.

Рыбников поднялся, но Антон остановил его.

– Никита Викторович, вы сегодня не вступили в бой?

Рыбников внимательно посмотрел на ученика.

– Нет. Как только нападающие приблизились к нам, Васильев открыл огонь. Хорошо, что эти ребята вовремя ретировались. Васильев – прекрасный стрелок. Трупов могло быть значительно больше.

– Они ведь ранили его копьем, – заметил Пак.

– Это только осложнило ситуацию, – покачал головой Рыбников. – Такие люди, как Васильев, раненные еще опаснее. А Васильев всегда бьет только на поражение. Это я давно знаю.

– А если бы нападающие до вас все же добежали, вы бы убивали? – спросил Антон.

Рыбников снова пристально посмотрел ему в глаза.

– Есть один важный принцип. Воин может допустить две смертельные ошибки: убить, когда можно не убивать, и не убить, когда надо убивать. Если ты знаешь, что тебе нужно в жизни, ты не перепутаешь одно с другим.

Он зашагал к кулачникам.

Глава девятая, о мятеже

Вскоре кулачники, а затем и ушуисты как бы невзначай, следом за «японцами» переместились к подножию идола и окружили Васильева. Сам бизнесмен вынул оружие из кобуры, демонстративно заткнул его за пояс и сел лицом к залу. Перемещение не осталось незамеченным рукопашниками. Они сгруппировались вокруг Никифора и Чубенкова и с опаской поглядывали на собравшихся у идола.

Рыбников подошел к ним и отвел Щекина в сторону. Между ними состоялся весьма бурный диалог, в конце которого Рыбников раздраженно махнул рукой и направился к Васильеву. Придвинувшийся поближе Антон расслышал его слова:

– Обещали не нападать.

– Ты им веришь? – тихо спросил Васильев.

– Щекин не должен подвести. Он же понимает, что всеобщая драка всем во вред. Но там еще эти двое... В общем, надо сказать ребятам, чтобы разбились на три смены, чтобы кто-то все время сторожил. Мы с тобой тоже будем спать по очереди.

– А вход в храм?

– Щекин обещал охранять. Не дурак же он, чтобы под второе нападение подставляться.

– Слушай, Никита. Как мы дальше-то будем? Так и станем друг на друга волками смотреть?

– Боюсь, так и получится. Лучше будет идти по отдельности.

– Ты что, сдурел? У них же такие боевые ребята. Нельзя их отпускать. Без них мы на треть слабее.

– А ты хочешь, чтобы тебя в спину ударили?

Васильев несколько секунд молчал, а потом понизил голос до шепота. Но Антон все же расслышал:

– Там один Щекин самостоятельная фигура и чего-то стоит. Поп еще воду мутит. Без них ребята пойдут за нами. Чубенков на сторону сильного переметнется. Это только два выстрела, Никита. У меня еще запасная обойма есть.

– И не думай, – сердито отрезал Рыбников. – Я тебе не дам.

– Как знаешь, – проворчал Васильев после паузы. – Но до рассвета-то они не уйдут?

– Нет, конечно.

– Вот и отлично. А завтра поговорим.

Эту ночь Антон почти не спал. Ему досталась первая смена, но и после того, как Рыбников приказал ему смениться, он долго ворочался и не мог сомкнуть глаз. В голове крутились мысли о странных событиях прошлого дня. Вспоминались глаза убитого парнишки. Всплывали мгновения схватки. Не давали покоя мысли о возможном новом нападении аборигенов и произошедшем расколе. Судя по движениям лежавших рядом ребят, он понял, что большинство из них так же не может сомкнуть глаз и уснуть на жестком и холодном каменном полу. Забылся Антон только под утро.

Проснулся он неожиданно, как бы рывком. Все вокруг двигались. Антон тоже вскочил на ноги и оказался в центре шеренги, образованной поднявшимися «дружинниками». Напротив них, шагах в десяти, словно на параде, по стойке «смирно» с автоматами на плече стояли рукопашники во главе со Щекиным. Рядом застыли отец Никифор и Чубенков.

– Поскольку власть в отряде захвачена криминальными элементами, мы не видим возможности для дальнейшего совместного продвижения, – отчеканил Щекин. – Мы покидаем отряд и призываем всех, кто является верным сыном своей родины, последовать за нами.

– Это кто здесь криминальный элемент? – с вызовом выкрикнул Васильев, выходя вперед.

Рыбников сзади положил ему руку на плечо, очевидно, призывая «снизить обороты», потом встал вровень с лидером и крикнул:

– Глупость делаешь, Павел. Сам рискуешь и нас подставляешь.

– Мы с тобой все уже обсудили, Никита, – отрезал Щекин. – В последний раз предлагаю следовать за нами всем, кто не хочет подчиняться преступникам.

– И всем истинно верующим следует с нами идти, – объявил отец Никифор. – А кто останется, на того кара Божья падет.

Рыбников явно хотел что-то сказать, но неожиданно Васильев отскочил в сторону, выхватил пистолет и навел его на Щекина.

– Стоять! – заорал он. – Кто первый к выходу пойдет, пристрелю к чертовой матери.

– Сергей, опомнись, – крикнул Рыбников.

Он повернулся к Васильеву, и его рука непроизвольно легла на рукоять заткнутого за пояс меча. Спонсор сделал еще один шаг в сторону и навел оружие на Рыбникова.

– И ты уймись, Никита. Не ты здесь командуешь. Как я сказал, так и будет. Ну-ка, десять шагов назад. Знаю я твои штучки.

Рыбников не сдвинулся с места.

– Назад! – рявкнул Васильев. – Сам же говорил, если один командовать не будет, все погибнем. Вот и не обижайся. Я здесь все решаю. Отойди, Христом богом прошу. Пристрелю иначе. Сам знаешь, другого выбора у меня нет.

Рыбников немного помедлил, а потом все же отошел на требуемое расстояние.

– Сергей Семенович, вас же избрали, – крикнул Алексеев.

В то же мгновение главный жрец Перуна оказался на прицеле, но потом Васильев начал медленно поворачиваться, обводя пистолетом всех собравшихся.

– Можете переизбрать, – язвительно сказал он. – Только голос моей «беретты» не забудьте учесть, электорат сраный. С голыми руками да шашками против волюны! Поглядим, какая у вас демократия получится. Поймите, черт вас раздери, мне не власть нужна. Просто, если вы со своими философиями нас поведете, погибнем все на хрен. А меня это не устраивает. Короче, так, мужики, никто никуда уходит. Я так сказал. Выйдем все вместе. – Васильев сделал паузу и снова повернулся в сторону рукопашников. – Но есть кое-кто, кто нам явно будет мешать.

Пистолет застыл на Щекине. Рукопашник напрягся и медленно потянулся к рукояти шашки. Антон понял, что сейчас произойдет непоправимое. Каким-то шестым чувством он осознавал, что приблизиться сейчас к Васильеву не сможет никто, потому что любое движение не укроется от опытного стрелка... Движение, вот что надо!

Антон выхватил из-за пояса нунчаки и метнул в голову Васильеву. Тот ловко увернулся, снова вскинул оружие. Антон увидел, что прямо ему в лоб смотрит дуло пистолета. Мгновения показались минутами, и парень понял, что настал его смертный час...

Неожиданно пистолет вскинулся вверх и выстрелил. Пуля просвистела над головой Антона. Из груди Васильева, на уровне сердца внезапно вышел окровавленный клинок. Той доли секунды, которую Васильев потратил на уклонение от нунчак, Щекину хватило, чтобы одним прыжком оказаться рядом, обнажить оружие и нанести удар. Пистолет со стуком упал на каменный пол. Глаза спонсора закатились.

– Ты что наделал? – выкрикнул подскочивший Рыбников.

Щекин хладнокровно выдернул оружие, и тело Васильева рухнуло на каменный пол.

На несколько секунд в храме повисла гнетущая тишина. Все застыли в оцепенении, а потом раздался истошный женский вопль. Девчонка-ушуистка забилась в истерике. Жихарев с одним из своих парней принялся ее успокаивать.

Это вывело присутствующих из ступора. Все одновременно подались вперед и плотно окружили лежавшее на полу тело. Рукопашники, ушуисты, кулачники, «японцы», – все перемешались. Над убитым стояли Рыбников и Щекин.

– Собаке собачья смерть, – спокойно обронил Щекин.

– А обезоруживать ты уже разучился? – проворчал Рыбников. – Ведь мог же.

– Может, так оно и лучше будет. – На лице Щекина не дрогнул ни один мускул.

Рыбников безнадежно махнул рукой. Возникла пауза. Под трупом медленно растекалась лужа крови. Алексеев наклонился и поднял пистолет.

– А с этим что?

– Себе бери, раз уж взял, – буркнул Рыбников. – В карманах у него пошуруй. Там запасная обойма должна быть.

– Товарищи, – в центр круга вышел Чубенков, – я как представитель власти принимаю на себя командование отрядом.

Толпа зашумела.

– Не хотим чиновника, – крикнул кто-то.

– Тихо, – прогремел зычный голос Рыбникова. Он повернулся к Щекину и негромко добавил: – Чего ты хочешь, чтобы остаться? Не губи людей.

Щекин немного помедлил.

– Командовать должен представитель власти. Все должны ему подчиняться.

– Хорошо, пусть будет так.

По толпе пронесся ропот.

– Лучше будет, если командовать будет Чубенков, – крикнул Рыбников. – Нам нельзя расходиться. По отдельности мы можем не выжить.

– С этим и подавно не выживем, – крикнул один из ушуистов.

– Никита Викторович, мы Чубенков подчиняться не будем, – решительно заявил Пак.

Ропот усилился.

– Кто за то, чтобы командовал Чубенков? – громко спросил Рыбников.

Поднялись только руки рукопашников... да и то двое помедлили и проголосовали только после строгого взгляда Щекина.

– Кто против?

Ответом был лес рук.

– Мы не должны разделяться, – с напором повторил Рыбников. – Раскол может погубить всех.

– А мы не хотим подчиняться этому, – один из кулачников указал на Чубенкова.

Вокруг послышались одобрительные голоса.

– Тогда мы уходим, – Щекин шагнул назад.

За ним последовали ученики. Теперь рукопашники снова стояли в стороне от остальной группы.

– Павел, опомнись! – воскликнул Рыбников. – Это же просто глупо.

– Это есть единственный путь ко спасению, – объявил отец Никифор, подходя к Щекину. – Истинно православные пусть последуют за нами. Язычников и тех, кто не раскается, что восточными единоборствами занимался и тем бесам поклонялся, мы с собой не возьмем.

Рыбников поджал губы.

– Ладно, бог с вами. Уходите, если иначе не можете.

– Кто с нами, становись в строй, – скомандовал Щекин.

Несколько секунд никто не двигался, а потом один из ушуистов повернулся к Жихареву и произнес – Простите, Петр Андреевич. Я иначе не могу.

Он подошел к отцу Никифору, перекрестился и жалобно попросил:

– Меня возьмете?

- От ушу своего отречешься? – спросил явно довольный священник.
- Отрекаюсь, – выдохнул парнишка.
- В грехах каешься?
- Каюсь.
- Святую церковь Христову принимаешь?
- Принимаю, святой отец.
- Становись в строй, – Никифор перекрестил отступника.
- Следом к нему подбежала девушка-кулачица.
- И меня.
- От язычества отречаешься? В грехе отступничества каешься?
- Каюсь, батюшка. Церковь святую принимаю.
- Благослови тебя Господь. Становись в строй.

Антон смотрел на Толю. Тот стоял, покусывая губы, но с места не двинулся.

- Больше никого? – крикнул Щекин.

Время шло, но к рукопашникам никто больше не присоединялся.

- Что же, отряд, нале-е-ево! – скомандовал Щекин. – Шагом, ма-а-арш!

Люди двинулись к выходу. За ними последовал чрезвычайно гордый отец Никифор. Только Чубенков остался стоять на месте.

- А вы что же, Владимир Владленович? – окликнул его Щекин.

- Да я лучше здесь останусь, – чиновник бочком подвинулся поближе к Рыбникову.

Антону показалось, что на лице учителя появилось разочарование. Щекин что-то хотел сказать, потом передумал, зло сплюнул и зашагал к выходу.

Глава десятая, о схватке с грозным противником

После ухода отряда Щекина все пребывали в растерянности. Убийство Васильева и раскол повлияли на ребят и «командиров» удручающе. Однако вскоре послышался зычный голос Рыбникова:

– Выступаем через полчаса. Всем умыться и позавтракать тем, что осталось от вчерашнего ужина. Сережа Пак и Толя Иванов, встаньте у дверей и последите за лесом. Не хотелось бы, чтобы наши вчерашние гости застали нас врасплох.

– Никита, а с этим что? – Жихарев показал на тело Васильева.

– Некогда хоронить, – ответил Рыбников. – Местные позаботятся.

Жихарев кивнул.

– Никита Викторович, хотел бы напомнить, что я возглавляю экспедицию, – заявил Чубенков.

– Конечно, Владимир Владленович, – отозвался Рыбников. – Я просто взял на себя кое-какие технические вопросы.

Чубенков удовлетворенно кивнул. Люди начали расходиться, старательно огибая мертвое тело.

– Никита Викторович, – прозвучал голос Пака от входа, – а тела-то исчезли.

Все бросились к входу и увидели, что оставленные вчера на поляне тела убитых врагов за ночь исчезли.

– Ничего себе, – присвистнул кто-то.

– А вы думали, что они просто так ушли? – резко спросил Рыбников. – Мы на территории чужого племени и чем скорее уйдем, тем лучше. Всем вернуться в храм и готовиться к выходу. Караульным смотреть в оба.

Люди зашумели и быстро укрылись под защитой каменных стен.

– Никита Викторович, – Антон подошел к учителю, когда они вернулись в храм, – объясните, зачем вы добивались, чтобы Васильев командовал?

– Я надеялся, что это предотвратит раскол, – тяжело посмотрел на него Рыбников. – Увы, напрасно.

– Мог ли Васильев нас вывести?

– Мог, не сомневайся. Он командовать всегда умел. Рукопашник был замечательный, стрелок превосходный. И главное, понимал, что выходить надо всем вместе, в отличие от этих... Но, видишь, амбиции заели. Это и погубило. Люди всегда создают себе проблемы сами. Дешевые понты нескольких честолюбцев дорого обходятся не только им самим.

– Собаке собачья смерть, – процедил Антон.

– Дурак, – обругал его Рыбников. – При чем здесь Васильев? Ты что, не понимаешь, что после смерти Васильева и ухода Щекина мы стали вдвое слабее?

– У нас есть пистолет, – напомнил Антон.

– Это может и спасти, и погубить, – сухо ответил Рыбников. – Ладно, иди к ребятам. Скоро выступаем.

Антон подхватил валявшиеся на полу нунчаки и направился к источнику, где выстроилась очередь на умывание. Однако вскоре от входа донесся крик Пака:

– Никита Викторович, там люди вооруженные!

Все снова бросились к выходу. Антон протолкался вперед и увидел, что на поляну выходит отряд... около десятка воинов в кожаных доспехах и металлических островерхих шлемах. Поверх широких штанов были прикреплены металлические поножи. Все были обуты в кожаные сапоги. В руках щиты и копья, а на боку у каждого по прямому мечу. Отрядом командовал молодой мужчина в кольчуге, перевязанной кожаным поясом с металлическими бляш-

ками. Его оружие составляли два меча, очень похожих на японские, только немного короче. Один был, как и у Рыбникова, заткнут за пояс лезвием вверх, а рукоятка другого торчала из-за спины. Экипировку дополнял солидных размеров кинжал на правом боку. На шее у воина, на массивной железной цепи висела круглая золотая бляшка.

Воины выстроились в шеренгу, а их предводитель вышел вперед. Сгрудившиеся у входа в храм люди удивленно смотрели на них.

– Девочкам укрыться в храме, – негромко приказал Рыбников.

Чуть помедлив, Таня и девушка-ушуистка отступили назад. Антон заметил, что за ними последовал и Чубенков.

– Эй, разбойники, кто из вас главный? – крикнул предводитель воинов с двумя мечами. Он говорил по-русски с заметным финским акцентом, но достаточно четко.

Рыбников оглянулся на выглядывавшего из храма Чубенкова, но чиновник знаками показал, что лучше будет, если в переговоры вступит не он.

– Я главный, – Рыбников вышел вперед. – Но мы не разбойники.

– Я – гесар Йохан, – заявил воин с двумя мечами. – Я нанят племенами Оти, Рана и Соми для охраны их земель. Мне известно, что вы надругались над храмом и убили четырех человек из племени Оти. Мне известно, что вы пытались захватить остальных в рабство.

– На нас напали, – ответил Рыбников. – Мы защищались. Мы никого не хотели захватывать в рабство. Мы лишь хотели узнать, где мы и куда нам идти. Разрешите нам уйти отсюда. Обещаем, что мы больше не вернемся и не побеспокоим местных жителей.

– Не удивительно, что на вас напали, после того как вы вторглись в священный храм, – заявил Йохан. – О своей невиновности рассказывай кому другому. Я знаю, что вы разбойники, грабившие дойчей. Я знаю, что сюда вы забрели, спасаясь от их мстителей. Уйти, не заплатив за свои преступления на этой земле, я вам не позволю. Слушайте мой приговор. Ты, главарь, будешь казнен за осквернение храма. Еще четверо твоих людей, по моему выбору, будут казнены за убитых вами мирных охотников. Обещаю, что казнить буду я сам и безболезненно, а ваши тела не будут выставлены на поругание. Остальные будут проданы в рабство, чтобы племя Оти получило компенсацию за свои потери. Но это только если вы сдадитесь без боя. Если будете сопротивляться, умрете в муках все, а тела ваши будут выставлены на поругание.

– Подожди, Йохан, – Рыбников старался держаться как можно спокойнее. – Мы вовсе не разбойники. Произошла ошибка. Мы действительно здесь чужие и случайно нарушили местные обычаи. Мы очень сожалеем, что сделали это и что погибли люди. Пока нам нечем заплатить, но мы обещаем компенсировать ваши потери позже. Дай нам время. Я все объясню, и мы сможем договориться.

– Я не намерен выслушивать твои сказки, разбойник, – крикнул Йохан. – Сейчас я сосчитаю до тридцати. За это время все вы должны сложить оружие и встать передо мной на колени, держа руки за спиной. Тот, кто этого не сделает, будет считаться оказавшим сопротивление и умрет.

– Йохан, ты должен понимать, что после всего, что ты сказал, мы не сдадимся без боя, – ответил Рыбников. – Побереги своих людей.

– Не смей меня, разбойник, – расхохотался Йохан. – Если ты взял меч гесара, это не значит, что ты можешь сражаться с гесаром. Ты не переживешь сегодняшнего дня. Смирись с этим и соверши единственный благородный поступок в своей жизни: сохрани жизни своим людям.

– Гесар, ты совершаешь большую ошибку. Давай поговорим с тобой спокойно. Мы не разбойники...

– Один, – крикнул Йохан. – Два. Три. Четыре...

Он сосчитал до тридцати, но никто не шелохнулся. Все взгляды были обращены на Рыбникова, а тот стоял, как статуя, глядя прямо перед собой.

– Итак, вы отказываетесь, – объявил Йохан. – Пеняйте на себя.

Он шагнул в сторону и подал знак своим людям. Те взяли копья наперевес и двинулись вперед.

Стоявшие у храма непроизвольно отпрянули. Алексеев быстро вышел вперед, поднял руку с пистолетом и выстрелил в воздух.

– Стоять! – закричал он. – Иначе всех перестреляю.

Воины замерли на месте, но окрик предводителя снова заставил их двинуться вперед.

Алексеев перехватил пистолет двумя руками и трижды, как в тире, выстрелил в наступающих. Трое в центре шеренги упали, а остальные подались в стороны. В образовавшейся брешии появился Йохан. Он сделал молниеносный жест рукой и перекатился в сторону. Алексеев снова прицелился, но выстрелить не успел. Брошенный со страшной силой кинжал вонзился ему точно в глаз. Кулачник пошатнулся, выронил оружие и рухнул на спину.

– Никому к Йохану не подходить, – вскричал Рыбников.

Он обнажил свой меч и ринулся прямо на гесара. Поддаваясь безотчетному импульсу, Антон выхватил нунчаки и побежал за учителем. За спиной раздался топот множества ног. Отряд атаковал.

Стена щитов снова сомкнулась, и теперь они неслись на частокोल копий. За несколько шагов Антон непроизвольно притормозил, а Рыбников искусно увернулся от удара одного копья, перерубил другое, вломился в строй противников и нанес удар мечом вначале направо, потом налево. Его оружие тут же обагрилось кровью. Двое воинов упали, а остальные отпрянули. Однако позади строя Йохана не было.

Гесар возник неожиданно, на правом фланге. В руках он сжимал два обнаженных меча. К нему бросился Жихарев со своими ребятами.

– Петр, уходи! – что есть силы заорал Рыбников.

Но было уже поздно. Вращая трехзвенный цеп, Жихарев обрушился на противника. Сзади налетели его ученики с копьями и тренировочным оружием. Гесар завертелся юлой. Мечи образовали вокруг него стальную сферу.

Вначале Антону показалось, что Жихарев споткнулся и упал, а потом то же самое начало происходить с его учениками. Только в следующий миг парень осознал, что является свидетелем гибели этих людей. В считанные секунды команда ушу перестала существовать. Лишь один парнишка, выронив шест, вовремя отпрыгнул в сторону и тем спас свою жизнь. Гесара он явно не интересовал. Расправившись с нападающими, Йохан бросился к входу в храм. Рыбников рванул ему наперерез. Их траектории пересеклись, и Рыбников, упав на одно колено, рубанул противника по ногам. Однако Йохан с невероятной легкостью перепрыгнул через клинок, упал на землю, перекатился и побежал дальше. Рыбников бросился за ним.

И все же Йохан первым достиг ступеней храма. Подцепив кончиком одного меча пистолет, он подбросил его вверх, с силой рубанул вторым, отбросив далеко в сторону.

Настигнув противника, Рыбников обрушил на него мощный удар меча, но тот легко парировал его и тут же контратаковал другой рукой. Только невероятная скорость реакции спасла Рыбникову жизнь.

Антон быстро оглянулся. Вокруг него кипел бой. Строй нападающих распался, и теперь на поляне разворачивалось несколько отдельных схваток. Антон увидел, как падает, пронзенный копьем, Коля. Рядом уже лежал истекающий кровью раненый Костя. Подняв нунчаки, Антон с диким криком ринулся на сразивших его товарищей воина. Парня душила ярость. Сейчас ему хотелось только убивать.

Воин так и не сумел высвободить копье, засевшее в груди Николая, поэтому выпустил древко, выхватил меч и шагнул навстречу новому противнику. Их оружие встретилось, и нунчаки обвили клинок. Антон потянул их на себя и изо всей силы ударил врага ногой в живот.

Тот упал на спину, выпустив меч, но доспех все же самортизировал мощный удар. Через мгновение воин снова вскочил на ноги, сжимая в правой руке нож.

Антон перехватил трофейное оружие за рукоять и снова атаковал. Его удар пришелся в щит противника, и тут же у горла сверкнул нож. С трудом уклонившись, Антон выполнил низкую подсечку, и воин снова рухнул. Теперь уже Антон не дал ему подняться – навалившись всем телом, глубоко воткнул меч между пластинок доспеха. Тот вскрикнул, дернулся и застыл.

Высвободив оружие, Антон бросился к поверженным товарищам. Николай лежал на спине и смотрел в небо невидящим взглядом. Костя корчился и стонал, держась за живот.

– Как ты? – Антон упал рядом с ним на колени.

– Хреново, – выдохнул тот. – Нашим помоги. Мной Таня займется.

Антон быстро обвел взглядом поле боя. В нескольких шагах от него Пак отчаянно молотил нунчаками по шлему упавшего на спину и потерявшего меч противника, а Толя безуспешно пытался пробить доспех врага трофейным копьем. С другой стороны, чуть подальше, дела обстояли хуже. Двое кулачников лежали на земле, истекая кровью, а двое других спасались бегством, улепетывая к храму. Их преследовали двое воинов с обнаженными мечами. Однако от храма им навстречу уже спешил Рыбников с самурайским мечом в руках. Увидев столь грозного противника, воины развернулись и бросились в лес.

Рыбников резко повернул и подошел к Паку и Толе.

– Прекратить, – рявкнул он.

Антон заметил, что левый рукав кимоно учителя разрублен и окрашен кровью.

Ребята отпрянули. Лежавший на земле воин испуганно застыл, глядя на победителей.

– Сдаешься? – Рыбников указал на него мечом.

– Сдаюсь, господин. Владейте моей жизнью.

– Обыскать. – Приказ прозвучал так, словно Рыбников всю жизнь провел на войне.

Антон помог ребятам обыскать пленного. У того отобрали нож и стащили с него шлем и доспех, под которым оказалась рубаха без ворота.

Антон била мелкая дрожь. Только что он стал свидетелем гибели стольких людей, некоторых из которых давно знал! Только что он сам убил человека! Все это было настолько неожиданным, невероятным, страшным, что лишь огромным усилием воли парень вернул себе чувство реальности.

Совладав с собой, Антон подошел к учителю.

– Вы ранены, Никита Викторович?

– Ерунда, – буркнул тот и, повернувшись к храму, громко крикнул: – Таня, где ты?! Здесь раненые!

Таня крадучись, вдоль стенки обошла лежащего у входа в храм Йохана и бросилась к учителю.

– Пленного в храм, – скомандовал Рыбников Паку и Толе. – Вы двое, – он повернулся к мявшимися в сторонке кулачникам, – помогите Тане и отнесите наших раненых и убитых в храм. Сложите все трофейное оружие и доспехи у идола.

– Я помогу им, – подал голос Антон.

– Пошли со мной, – ответил Рыбников, вытер клинок пучком травы и вернул его в ножны.

Вместе они зашагали ко входу в храм, из которого опасно выглядывали Чубенков и девушка-ушуистка. По дороге Антон подобрал лежавший на земле пистолет и попробовал передернуть затвор. Тот не поддавался. Рыбников указал на вмятину с дыркой в казенной части.

– Теперь это кусок металла, – сказал он. – Спрячь и потом закопай где-нибудь в укромном месте или утопи.

Гесар был еще жив, хотя его кольчуга на груди была разрублена наискось и вся залита кровью. Его мечи лежали рядом. При приближении победителей он не без труда повернулся набок и скинул шлем. Стало видно, что это молодой белобрысый парень лет двадцати пяти.

Рыбников опустился на колени, в двух шагах от поверженного врага. Антон остался стоять за спиной учителя.

– Почему ты не сказал, что ты гесар? – тихо спросил Йохан у Рыбникова. – Я виноват. Я не увидел. Но ты мог сказать.

– Я не гесар, – ответил тот. – Я даже не знаю, кто такие гесары.

– Неужели в мире есть еще места, где не знают о гесарах? Впрочем, не удивлен, если у вас воюют, поражая громом на расстоянии. Скажи, я уничтожил это оружие?

– Да.

– Хвала богам. Из ваших земель может прийти еще кто-то с подобным?

– Вряд ли.

– Тогда я спокоен. У тебя действительно нет инки?

– Нет. Что это такое?

– Тогда возьми мою, – Йохан снял с груди свою цепь с золотой бляхой, положил на землю и подтолкнул к Рыбникову. – Ты гесар. Спорить с этим бессмысленно.

– Что такое гесар? – спросил Рыбников. – Что означает эта инка?

– Ты все узнаешь, – было заметно, что Йохану становилось все труднее говорить. – А у меня уже нет времени. Назови мне свое имя.

– Никита.

– Это был славный поединок, гесар Никита. Спасибо тебе. А теперь оставь меня. Я должен подготовиться к встрече с великой тайной, – он откинулся на спину и уставился в небо.

– Йохан, – Рыбников придвинулся поближе. – Йохан, подожди. Может, мы сможем помочь тебе. Среди нас есть лекарь.

Молодой человек не обращал на него никакого внимания. Его дыхание участилось. Потом он прошептал что-то неразборчивое и закашлялся. Из горла у него хлынула кровь. Он дернулся и застыл.

Рыбников закрыл ему глаза, спрятал за пазуху золотой амулет и поднялся.

– Что скажешь? – произнес он, глядя куда-то в сторону.

– Я ничего не понимаю, – ответил Антон. – Что это за люди? Где мы?

– В другом мире. Ты что, не понял? И если мы в ближайшее время здесь не освоимся, то погибнем все.

– А кто такие гесары? Как вы думаете?

– Не знаю... – Рыбников ненадолго задумался. – В нашем мире это имя тибетского просветленного царя-воина, жившего в десятом веке, кажется. Но здесь это явно другое. Совпадение это или нет, я не знаю. Но вот, что скажу точно: если встретите гесара, бегите от него со всех ног. Ни один из вас не в состоянии справиться с таким противником.

Глава одиннадцатая, в которой приходят новые знания

Раненые лежали в дальнем углу зала на ворохе пальмовых листьев. Костя трясся в лихорадке, а парнишка-кулачник лежал в забытии и тихо постанывал. Таня и Маша, девушка-ушустик, колдовали над ними. Кажется, это помогало им справиться со стрессом от пережитого. Хуже всего было Маше, в одночасье потерявшей тренера и почти всех товарищей по секции. Приблизительно через час после окончания боя в храм вернулся выживший парнишка-ушустик. Он помог кулачникам перенести мертвых и разобрать трофейное оружие, а потом сел у стены в сторонке. С ним никто не разговаривал, и никто к нему не подходил.

Погибших уложили у стены рядом с входом. На земле вытянулись тела Алексева и одного из его ребят, павших в бою, Жихарева с тремя своими учениками, погибших от мечей Йохана и Николая. Туда же отнесли и тело Васильева.

Пак и Толя, надевшие трофейные доспехи и вооружившиеся копьями, мечами и щитами, стояли на страже у входа. Антон тоже оделся в рубаху, штаны и доспехи поверженного им врага, благо те подошли по размеру. В качестве оружия он взял себе один из мечей убитого гесара. То, что приходилось носить вещи, снятые с мертвого и даже залитые его кровью, после всего случившегося Антона не сильно беспокоило, тем более что кимоно пришлось отдать девушкам на бинты. Впрочем, воспоминания о прошедшем бое и мысль о том, что он впервые убил человека, все еще будоражили парня. Но еще сильнее тревожили размышления о будущем и давящее чувство опасности.

Сейчас вместе с остальными ребятами, Рыбниковым и Чубенковым они стояли вокруг сидящего у стены связанного пленника. Руку Рыбникову перевязали, но и повязка, и распоротый рукав кимоно уже окрасились в бурый цвет. Антон подумал, что учитель бледнее обычного, но держится хорошо.

Пленный был крепкий бородатый мужик среднего возраста. Как ни странно, он смотрел на окруживших его людей спокойно, без страха.

– Пленного надо допросить, – выдвинул «оригинальное» предложение Чубенков.

Рыбников кивнул.

– Почему вы напали на нас? – насупившись, спросил чиновник у мужика.

Тот покачал головой.

– Меня пленил благородный гесар. Я видел, как наш господин отдал ему свою инку. Я буду отвечать только на его вопросы.

– Я здесь главный, – заявил Чубенков.

– А ты кто? – взглянул на него в упор пленный.

– Я представитель власти.

– До сегодняшнего дня властью здесь были гесар Йохан и совет старейшин. Ты – чужак.

– Но я ответственное лицо в своей стране.

– Вот в своей стране и командуй, – ощерился мужик. – Я вручил свою жизнь благородному гесару. Ему я отвечу на любой вопрос.

– Как тебя зовут? – вступил в разговор Рыбников.

– Ставр, – ответил пленник.

– Ты служил гесару Йохану?

– Да.

– Кто такие гесары?

– Благородные воины, члены ордена великой тайны, – пленник был явно удивлен вопросом. – Боги дали им особую силу.

– Кто ими руководит?

– Никто. У них нет вождей. Гесаром становится тот, кто познал великую тайну.

– Но кто признает человека гесаром?

– Любой другой гесар. Если тот считает, что перед ним человек, который познал великую тайну, он дарит тому свою инку или разрешает изготовить такую же.

– Но тогда каждый может объявить себя гесаром. Кто проверит, признал его кто-либо или нет?

– Да, ложные гесары появляются... Но живут недолго. Гесар, который считает, что перед ним самозванец, обычно вызывает этого человека на бой. Так у них принято.

– Как они определяют, кто истинный, а кто ложный?

– По тому, знает ли тот великую тайну.

– А что это за тайна – Не спрашивай меня. Не я гесар, а ты. Это тебе надо понять, какой из известных тебе секретов является великой тайной. Гесары говорят, что ее нельзя выразить ни словом, ни жестом. Они знают ее и все. Так они говорят даже под самыми жестокими пытками. А тайну пытались выведать немало людей, поверь. И они утверждают, что в состоянии увидеть человека, который тоже знает ее. Впрочем, тебя Йохан, по всему, разглядел слишком поздно. Такое у них тоже бывает.

– И что, гесар вот так подходит к человеку на улице и дает ему инку? – не выдержал Антон.

Пленник внимательно посмотрел на него.

– Отвечай на все вопросы, которые здесь задают, – приказал Рыбников.

– То, что произошло сегодня с тобой, очень большая редкость, – пленник демонстративно отвечал именно Рыбникову. – Обычно гесар набирает себе учеников. Это большая честь – стать учеником гесара. Ученики практикуются в искусстве боя и прислуживают гесарам. Но обучение длится не больше девяти лет. За это время гесар или провозглашает ученика познавшим великую тайну, или прогоняет.

– Что происходит с теми, кого прогнали? – спросил Толя.

– Их с удовольствием берут на службу любые правители. Они сразу становятся десятниками или сотниками, в зависимости от того, как долго проучились. Часто их нанимают в личную стражу влиятельных владык. Они все великолепные бойцы. Но не гесары.

– А чем занимаются гесары? – спросил Рыбников.

– Некоторые учат за деньги. Некоторые странствуют. Некоторые нанимаются на службу. Но только по договорам. Вассалом никогда ни один гесар не становился.

– Почему?

– Откуда мне знать. Люди они такие. Если бы какой из них согласился стать вассалом или подданным правителя, то, наверное, получил бы огромные поместья и высокий пост. Но они не хотят. Возможно, это связано с великой тайной.

– Значит, они нанимаются к кому хотят? Как Йохан к этим племенам?

– Йохан получил инку только полгода назад. Он сам родом из племени Рана. Правитель дойчей не согласился нанять его за ту цену, которую затребовал Йохан. И тогда Йохан согласился служить этим трем племенам. Он рассчитывал, что совершит несколько подвигов здесь, и тогда его наймут значительно дороже. Опытный гесар может рассчитывать на значительно большее, чем дом в лесу.

– Они такие грозные воины? – спросил Толя.

– Да. Люди говорят, что они получают особую силу от богов. Сами гесары утверждают, что имеют силу от великой тайны. Но если десяток опытных воинов одерживает победу над одним гесаром и теряет при этом лишь половину, выжившие празднуют великую победу.

– А что, гесары не имеют подданства? – спросил Чубенков.

– Ни подданства, ни рода, ни племени. Так говорят. Они даже семьи очень редко заводят. Такие люди. Хотя женщины их любят. Хе-хе. Редко какая откажет. Даже замужняя.

– А муж? – спросил один из кулачников.

– Кто же с гесаром ссориться будет? – усмехнулся пленник. – Хотя, если муж сам гесар, тогда поединок неизбежен.

– Но ведь до того, как стать гесаром, они все чьи-то подданные, – заметил Чубенков. – Неужели правители так легко их отпускают?

– Попробуют они удержать или казнить гесара! – фыркнул пленник. – Тут же все остальные гесары от них уйдут. А для правителя это верная гибель.

– Значит, кто соберет больше гесаров, тот и победит в войне? – спросил Антон.

– Не так, – покачал головой пленник. – Гесары служат правителям, только пока те охраняют свои территории и борются с разбойниками и мятежниками. Если какой-то правитель захочет напасть на соседа и пограбить его, большинство гесаров уйдет от него. А если самое бедное и слабое княжество подвергнется несправедливому нападению, то туда придет очень много гесаров, которые будут служить лишь за еду, хотя за службу у нападающего могли бы получить огромные деньги. Такие они люди. Это обрекает почти любого захватчика на поражение. Но если какой правитель начнет тиранить своих подданных и несправедливо судить, гесары не просто уйдут от него. Они будут служить любому правителю, который захочет свергнуть тирана. И тогда тот обречен. Вот почему говорят, что на гесарах держится мир.

– А почему они сами не хотят стать правителями? – спросил Антон.

– Говорят, что им не дает великая тайна. Впрочем, рассказывают, что когда-то встарь некоторые гесары становились правителями. Но люди всегда были недовольны их правлением. Гесаров считают бешеными. Их никто не понимает. Они не чтят ни богов, ни традиций. Они презирают тех, кто не знает великой тайны. Все гесары, которые стали правителями, правили недолго. Или сами уходили, или были свергнуты.

– Но, если гесары всегда борются с мятежниками, кто посмеет бунтовать? – спросил Чубенков.

– Не всегда, – ответил Ставр. – Бывает, что гесары поддерживают мятеж или сами поднимают его, если считают правление несправедливым.

– И тогда другие гесары от правителя уходят? – спросил Рыбников.

– Когда как. Бывает, что часть гесаров считает правление справедливым, и тогда они поддерживают правителей.

– Что тогда получается?

– Считается, что правы те, кто выиграл. А выигрывает обычно тот, у кого больше гесаров.

– Понятно, – протянул Рыбников. – Скажи, какие народы живут здесь поблизости?

– Земли, на которых мы находимся, принадлежат племенам суоми. Их еще называют финнами. К восходу и полудню живут русичи. Я сам из них. Самый ближний их город отсюда – Нес. Это в трех днях пути отсюда. Правит там наместник Веского князя. К закату от нас море. Но если идти по его берегу на полночь, придешь к землям Свейского королевства. Кто живет за землями этих народов, я не знаю.

– Если ты русский, то почему пошел на службу к суоми? – строго спросил Чубенков.

– Ах, было дело, – поморщился Ставр. – Повздорил там с одним государевым человеком. Не важно. Мое это дело. Мне главное – в Кривскую землю не ходить. А так могу вам верой и правдой послужить.

– Ты что, хочешь нам служить? – воскликнул Чубенков.

– Не тебе, а благородному гесару. А что? Хозяин мой погиб. Оно, конечно, можно меня и в рабство продать. Только, сдастся мне, что у вас на службе я нужнее. Вы, по всему видно, люди здесь чужие. Местных порядков не знаете. Того и гляди, в беду попадете. А я вам, глядишь, чего нужного и подскажу. То, что бились, так то дело ратное. Сегодня супротив, завтра заодно. Много не возьму: еду, кров да долю малую добычи. Соглашайся, благородный гесар. Дело верное.

– Я подумую, – процедил Рыбников. – Расскажи, что знаешь о Русской земле.

– Земля Русская велика, – ответил пленник. – Простирается на полдень до Черного моря. Правит в ней царь. Но это лишь говорят, что правит. В каждом княжестве свой князь: полный правный судья и владетель. Друг с дружкой воюют, дань и подати собирают. Царь лишь главный жрец и древним богам службу служит. Князья его уважают и поклоняются ему. Но никто не слушает. Так что каждое княжество, почитай, отдельная страна. Даром что язык один. Да и тот разнится. Ну а что там еще говорить? Страна как страна. Бояре там, жрецы, купцы, ремесленники, вольные земельцы, рабы. Все как у всех.

– Понятно, – кивнул Рыбников. – Посиди пока здесь. Нам посовещаться надо. Антон и еще кто-нибудь, смените Сергея и Толю. Вам двоим, – он показал на кулачников, – охранять пленника.

Все разошлись. Чубенков направился к подножью идола и знаками позвал Рыбникова «пошептаться». Но прежде чем подойти к чиновнику, Никита двинулся к сидящему в одиночестве ушуисту.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Андрей, – ответил тот.

– Поднимайся и подбери себе оружие.

– Я не могу, – замотал головой парень. – Я их предал! Я трусил! Я не хочу!

Он вскочил и хотел было побежать к выходу, но Рыбников удержал его за плечо.

– В том, чтобы не погибать глупо и бесполезно, нет позора, – произнес нарочито громко, так чтобы его слышали все присутствующие в храме. – У всех нас бывают минуты слабости. Не занимайся самоедством. Подбери оружие и готовься сменить караульных. Ты нам нужен. Бои еще будут, и ты еще докажешь всем, что не трус.

Произнеся эти слова, Рыбников отпустил парня, подошел к раненым, недолго поговорил с Таней и только после этого направился к Чубенкову.

Глава двенадцатая, о том, как неожиданно может измениться обстановка

Рыбников долго совещался с Чубенковым, а потом собрал всех у входа в храм. Здесь было единственное место, где его могли услышать все, включая караульных, но не мог лежащий в отдалении связанный пленник. Речь Рыбникова была короткой.

– Значит так, – сказал он. – После всего, что мы слышали и увидели, не приходится думать, что мы находимся где-то в нашем мире. Просто не могу представить, что есть еще места, где люди в состоянии играть в подобные игры и даже не слышали об огнестрельном оружии. Да и география очень интересная складывается. Скорее всего, мы переместились в альтернативную реальность. То, что здесь есть русские и финны, радует – с языками проблем не возникнет. Но не стоит обольщаться. Судя по всему, здесь сильно отличается от нашего не только климат, но и уклад жизни. Пока похоже на смесь нашего средневековья и нашей же древности. А гесарам, насколько я понимаю, вообще аналогов у нас не было. Хорошо еще, что меня признали за одного из них. Думаю, играть в эту игру стоит и в дальнейшем. – Он достал из-за пазухи амулет Йохана и надел его. – Не знаю, что это за тайна, о которой говорил Ставр, но, по всему, гесары здесь люди уважаемые. Поэтому, если будете изображать моих слуг и учеников, это может на какое-то время стать защитой. Сразу соваться в крупные города явно не стоит. Но и отсюда уходить надо бы побыстрее. Таня, можно ли нести раненых?

– Вася, который кулачник, много крови потерял, – отозвалась девушка. – Жизненно важные органы, кажется, не задеты. Я перебинтовала. Но покой все же желателен. С Костей плохо. Очевидно, поврежден желудок. Боюсь, что может начаться заражение. Срочно нужны опытный хирург, медикаменты, покой.

– Где же здесь хирурга и медикаменты взять? – вздохнул Рыбников. – Танечка, сделай, что можешь.

– Конечно, сделаю, Никита Викторович. Но что я могу, даже без жаропонижающих? У Кости жар. Думаю, не меньше сорока градусов. Градусника ведь тоже нет.

– Понятно, – Рыбников снова тяжело вздохнул. – Значит, переход отменяется. Плохо. Нам сейчас надо решить две проблемы. Во-первых, достать провиант. Во-вторых, установить отношения с местным населением. Все время жить в условиях осады нельзя. Тем более, не ровен час, местные еще одного гесара наймут. Если Йохан действительно был только начинающим воином, мне страшно подумать, каков уровень самых сильных из них. Поэтому с гесарами в бой не вступать. Идите на все их условия, не перечьте, если меня не будет рядом. Просто бегите, если других вариантов нет. Людей мы больше терять не можем. Чтобы здесь освоиться, придется взять Ставра на службу. Для него и всех остальных мы пришли с дальнего острова. Остров погрузился в море, и мы – одни из немногих выживших. Понимаю, что версия дурацкая, но только так мы сможем обосновать свое незнание местных обычаев. Пока будем изображать, что я здесь главный, а Владимир Владленович у нас вроде завхоза. Здесь, похоже, уважают только силу и другого не поймут. Сейчас я, Сергей, Толя и Ставр пойдем на разведку. Попробуем достать еды и вступить в контакт с местными. Надеюсь, после того, как мы выстояли против двух нападений, они станут сговорчивее. Без меня командует Владимир Владленович. За охрану отвечает... Антон. Вопросы есть?

– А мы не попытаемся вернуться домой? – робко спросила Маша.

Рыбников горько:

– Если у кого-нибудь появятся идеи, как это сделать, поделитесь. Попробуем обязательно. Он поднялся и двинулся к Ставру.

– Я принимаю тебя на службу, – объявил Рыбников. – Поднимись, я развяжу тебя.

На лице пленника отразилось облегчение. Антон засмотрелся на него и поэтому не сразу заметил, как на поляну вышли три старика. Спohватившись, он подал сигнал тревоги, и все тут же сгрудились у входа.

Старики стояли на порядочном удалении от храма и ждали. Все они были одеты так же, как и люди, впервые атаковавшие отряд у храма. Все трое стояли неподвижно, как статуи, и лишь ветер колыхал их седые бороды. В руках у каждого был посох.

– Это провокация, – воскликнул Чубенков. – Нас выманивают.

– Кто они, Ставр? – повернулся Рыбников к новообретенному слуге.

– Старейшины племен, что Йохана нанимали, – ответил тот.

– Как думаешь, выманивают?

– Вряд ли, – авторитетно заявил Ставр. – После того, как вы Йохана победили, никто из них на бой не решится.

– Тогда пойди и пригласи их сюда, – приказал Рыбников.

Ставр послушно выскочил из храма и подбежал к старикам. Он недолго говорил с ними, а потом они все вчетвером направились к храму. Ожидавшие там люди подались назад и образовали полукруг, в центре которого оказался Рыбников. Антон встал прямо за учителем и положил руку на рукоять меча. Старейшины вошли в храм, остановились у входа и степенно поклонились. Один из них заговорил, обращаясь к Рыбникову:

– Мы, старейшины племен Оти, Рана и Соми. Я – Ери. Со мной Киту и Мари. Прошу тебя, назови свое имя, благородный гесар.

– Никита, – быстро ответил Рыбников.

– Мы видели, как ты одержал верх над благородным гесаром Йоханом. Теперь наши племена остались без защитника. Скажи, готов ли ты стать защитником наших племен?

– Я подумаю над этим, – ответил Рыбников. – Что ты предлагаешь?

– Те же условия, что и Йохану. Сто мер жита и десятую долю того, что наши люди выручат на ежегодной ярмарке в Несе.

Рыбников жестом подозвал к себе Ставра.

– Что такое мера жита? – тихо спросил он.

– Столько, сколько съедает один человек за год. Они заплатят рыбой, мясом, молоком и зерном.

– Разве я не доказал, что стою больше, чем Йохан? – громко спросил Рыбников.

Старейшина немного помялся.

– Сто двадцать мер и десятая часть, благородный гесар.

– Моим людям нужны отдых и еда. У нас раненые. Им нужно лечение. Помогите нам. Потом я решу по поводу найма.

– Ты возьмешь еды, сколько надо. Наш знахарь займется твоими людьми. Но не раньше, чем ты согласишься защищать нас. Если ты откажешься... Пойми правильно. Мы не можем изгнать тебя из нашего священного храма. Но когда мы найдем гесара, который согласится нам помочь, мы придем сюда, чтобы изгнать чужаков.

– Ты, кажется, угрожаешь мне? – сдвинул брови Рыбников.

– Нет, всего лишь рассказываю тебе, благородный гесар, каково положение вещей, – старик снова поклонился.

Чубенков подкрался к Рыбникову, привстал на цыпочки и прошептал:

– Я бы не стал им доверять.

– А у тебя есть другое предложение, как накормить людей и помочь раненым? – так же тихо ответил Рыбников. Он повернулся к Ставру. – Плата достаточна?

– Для начинающего гесара нормальная, – ответил тот. – Больше они вряд ли смогут дать.

– Я принимаю ваше предложение, – объявил Рыбников старейшинам.

Те низко поклонились.

- Тогда скажи, что ты хочешь получить сейчас, благородный гесар? – спросил Ери.
- Пошлите побыстрее за знахарем, пожалуйста, – нетерпеливо попросил Рыбников.

Глава тринадцатая, рассказывающая о прелестях гарнизонной жизни

Антон натянул тетиву, прицелился и выстрелил. Стрела не сорвалась, как прежде, не ушла «в молоко», но воткнулась в самый край соломенной мишени, туда, где у потенциального врага должна была находиться кисть. Парень тихо выругался и потянул из колчана новую стрелу. Прошло уже двадцать дней с тех пор, как они поселились в замке Йохана, а Антон так и не сумел освоить стрельбу из лука.

После того как по приказу старейшин в храм явился знахарь, а общинники принесли еду, Антон и Толя по приказу Рыбникова обыскали лес вокруг храма. Там они нашли аккуратно сложенные пять луков с колчанами, полными стрел. Как объяснил Ставр, это оружие принадлежало его отряду. Направляясь к храму, вызванный людьми из племени Оти Йохан заявил, что если у разбойников есть машина, разящая на расстоянии громом и молнией, то следует как можно быстрее вступить с ними в рукопашную схватку. Но на всякий случай, если это не удастся, он приказал приготовить луки, чтобы, отступив, держать противника в храме и дожидаться темноты.

Услышав об этом, Антон ужаснулся. Он понял, что если бы сработал именно этот план, то положение осажденных могло бы стать критическим. Все воины здесь были неплохими стрелками, а значит, могли уничтожить значительную часть отряда из засады. После этого парень сразу решил побыстрее освоить стрельбу из лука.

Правда, в первые дни было не до этого. Местные как бы «забыли» об осквернении храма, но очень просили как можно быстрее покинуть их святилище. В качестве места дислокации они предложили замок Йохана, принесли носилки и помогли бережно перенести туда раненых.

Замок на поверку оказался огороженным частоколом подворьем с большим бревенчатым домом, амбарами и баней. Он стоял на берегу большого озера километрах в четырех от храма. Там их ждали еще два дружинника Йохана, бежавшие с поля боя: Волей и Михан. Оба, как и Ставр, попросились на службу. Волей был принят, а Михану Рыбников приказал уйти, поскольку в бою он зарубил двух кулачников. Очевидно, Никита опасался, что в дружине снова возникнет раскол.

Разместившись в замке, большая часть дружинников вернулась к храму. Там местные уже сложили погребальный костер, на который положили тела всех погибших за прошедший день. Когда огненный вихрь взвился к небу, Антон не выдержал и отвернулся, чтобы окружающие не видели его слез. Зрелище было душераздирающим. Оставалось только радоваться, что девочки остались с ранеными.

Лекарь находился в замке неотлучно, поил раненых разными отварами, перебинтовывал, прикладывал к ранам высушенные травы. Однако Костю это не спасло. Он умер к утру следующего дня. Эта смерть почему-то потрясла всех еще больше, чем похоронная церемония прошлого дня. Девушки рыдали, да и ребята ходили совсем потерянные. Некоторые украдкой вытирали слезы. Ставр и Волей сами подготовили погребальный костер и провели весь обряд погребения.

Очевидно, чтобы вывести ребят из подавленного состояния, а может быть, и действительно, чтобы подготовить к возможным стычкам, Рыбников вывел отряд на учебу. Кроме воинов, перешедших от Йохана, дружина теперь состояла всего из шести боеспособных мужчин: Антона, Сережи Пака, Толи, двух кулачников и единственного спасшегося ушуиста Андрея. Все они теперь были вооружены и обмундированы в доспехи павших дружинников Йохана.

Ставр и Волей быстро показали нехитрые приемы боя местных воинов: строй, методы фехтования, способы отступления и наступления. Ставр объяснил, что все это методы боя «людей удачи», как они сами себя называли. Авантюристов, не то наемных бойцов, не то раз-

бойников, путешествовавших по диким землям. Таким, как та, где они находились сейчас. Впрочем, для попавших в сей мир людей и это было в диковинку.

Отдельную дисциплину составляла стрельба из лука. Никому из новоиспеченных дружинников легко она не давалась, что вызывало издевательские усмешки со стороны Ставра и Волея. Разве что Рыбников достаточно быстро освоился с новым оружием и посылал стрелы в мишень с завидной точностью.

Никита Викторович был одним из немногих, кто не сменил одежду и так и остался в своем кимоно и хакаме. Даже тапки-шлепанцы из рисовой соломы он не стал менять на другую обувь. С мечом он теперь не расставался, даже во время сна. Неизменно замкнутый и неразговорчивый, он с безжалостностью и непреклонностью армейского старшины гонял людей на тренировки, заставлял чистить оружие и расставлял караулы. Хотя Ставр и уверял, что в этом нет никакого смысла, караульную службу у ворот теперь постоянно несли два человека. Этот порядок Рыбников установил с первого же дня.

Финны бесперебойно снабжали отряд продуктами, ведя строгий учет поставкам. Все это освобождало обитателей замка от необходимости добывать провиант, однако Рыбников постарался, чтобы подчиненным «не было скучно». Ежедневно он посылал людей, свободных от караулов и тренировок, в обходы, группами по три-четыре человека, и нередко сам возглавлял их. В итоге весь гарнизон вскоре неплохо знал окрестности замка в радиусе пятнадцати километров и свободно ориентировался в многочисленных озерах, лесах и лугах, на которых паслись стада, принадлежащие местным племенам.

Единственным здоровым мужчиной, освобожденным от «тягот воинской службы», был Чубенков. Он так и остался в своем костюме, надетом на голое тело, что вызывало немало насмешек. Впрочем, вскоре все признали и определенные таланты чиновника. С первого дня «гарнизонной жизни» он принял на себя функции завхоза. Наблюдая за этим человеком, Антон вскоре стал думать, что, может, он на самом деле не так плох, как показалось вначале. Просто власть сильно портит людей. А так приветливый, исполнительный, не злобный мужичок. Очень старательный и аккуратный, не чурающийся скучных и рутинных обязанностей. Он даже местные рунические цифры первым выучил и пытался выучить местный алфавит. Чубенков ночевал в амбаре, охраняя «общественное достояние». Полезный человек, в общем.

Не участвовали в тренировках, караулах и дозорах также девушки. С первого же дня Маша была отправлена на кухню, а Таня в дополнение к обязанностям врача получила задание не отходить от лекаря и старательно обучаться всем его приемам. Нельзя сказать, что девушки были в восторге от такого положения вещей, но спорить с авторитетным командиром не посмели. В отличие от дружинников, спавших в большой общей комнате, для жилья девушкам было отведено небольшое помещение на втором этаже, попасть в которое можно было только по приставной лестнице, через маленькую комнату, в которой ночевал Рыбников.

Похоже, Никита Викторович серьезно опасался за девушек, потому что приказывал им ночью выбирать лестницу наверх. Как и Рыбников, девушки так и остались в своих тренировочных костюмах: Таня – в кимоно и хакаме, а Маша – в ушуистской одежде. Это очень веселило Ставра и Волея, которые просто угорали от того, что «девки в штанах ходят».

Впрочем, вскоре Антон убедился, что отношение к женщинам у этих людей сильно отличалось от его собственного не только в части моды. Уже на третий день Ставр, считавший Антона «первым учеником гесара», подошел к парню и без обиняков спросил:

– Почему девок до сих пор не оприходовали?

– О чем ты? – не понял Антон.

– Ну как? – удивился Ставр. – Две такие сладкие ходят, а все ни гу-гу. Из замка гесар выходить запретил. А мы же мужики! Как без баб-то? Гесару-то хорошо с двумя, а нам что?

От ярости Антон схватился за рукоять меча.

– Ты что? – отшатнулся Ставр. – Что я сказал-то такого? Вон бабы. Не замужем. Родителей, опекунов тоже нет. Чего не взять-то? Не, ты скажи, если на какую глаз положил. Я не трону. Могу и сам в сваты пойти, если пожелаешь. Ну а вторую уж я в кусты затащу или в баньке прижму. Тут дело такое.

– Если хоть одной коснешься, убью, – пригрозил Антон.

Опасаясь, что в его отсутствие Ставр все же исполнит свою угрозу, Антон рассказал о случившемся Рыбникову. Учитель ничего не сказал, но вечером, выставив караул, как бы невзначай сообщил, что не возражает, если в свободное время дружинники будут посещать ближайшие деревни. Этой же ночью Ставр и Волей вышли из замка и вернулись лишь под утро, очень довольные. Подобные прогулки они стали повторять каждые два-три дня.

Еще один обитатель замка, кулачник Василий, на удивление быстро шел на поправку. Похоже, травы лекаря давали свой эффект. В последние дни он стал выходить на свежий воздух и с завистью наблюдать за тренировками товарищей. Недавно он даже попросил разрешения приступить к занятиям, но Рыбников, посоветовавшись с Таней, отказал.

Главной радостью, отдыхом и развлечением гарнизонной жизни была баня. Типичная русская баня с глиняной печью доставляла огромное удовольствие всем, хоть мыться без мыла, пальмовым маслом было несколько необычно. И Ставр, и Волей считали своим долгом как минимум через день помыться в бане и очень старательно мыли ноги, руки и лицо перед каждым приемом пищи. Рыбников сразу приказал всем обитателям замка делать то же.

Тяготы быта не слишком досаждали обитателям замка. Как-то спокойно воспринимались и отсутствие электричества, и необходимость носить воду из колодца, расположенного в центре замка, и обязанность поддерживать огонь, так как с непривычки редко кто мог справиться с кремневыми камнями, которыми местные высекали огонь, а зажигалками Рыбников почему-то запретил пользоваться.

Вообще, жизнь в замке протекала как-то очень буднично, словно все его обитатели регулярно выезжали на подобные сборы и не видели в произошедшем ничего особенного. Казалось, что все были озабочены лишь тем, чтобы наилучшим образом обустроиться на новом месте. Возможно, сработала защитная реакция, не дававшая отвлекаться мозгу на необъяснимые явления. А возможно, на всех так подействовали трагические события первых двух дней в новом мире, что люди просто постарались спрятаться от страшных воспоминаний за повседневными заботами и подготовкой к новым возможным нападениям. Впрочем, воспоминания о происшедшем все же не давали покоя ребятам, как и страх перед будущим. Антон подумал, что за прошедшие дни он ни разу не слышал смеха своих товарищей, да и улыбки не часто мелькали на их лицах. Все были сосредоточены, неразговорчивы и даже слишком серьезны.

Антон снова спустил тетиву. В этот раз стрела воткнулась значительно ближе к центру мишени, но парень все равно остался недоволен.

«А почему я так остервенело, словно фанатик, забыв обо всем, учусь стрельбе из лука и тренируюсь с мечом убитого гесара? – подумал Антон. – Потому что хочу лучше подготовиться к возможным боям или потому что прячусь от воспоминаний об убийствах, расколе, предательствах? И то, и другое. Но не только. Мне это просто нравится, как нравилось заниматься раньше карате. Что за чушь? Только что на моих глазах погибло столько людей! Убили Колю, в мучениях умер добряк и умница Костя, а я, видите ли, ташусь, выпуская стрелы по мишени и размахивая мечом убитого учителем бойца. Глупость какая!

Нет, не глупость. И не в том дело, что мне нравится тренироваться. Просто в этом мире... я нашел то, что искал всю жизнь. Здесь как-то правильнее, честнее. Нет того лизоблюдства, что в нашем... „Так сказала Елена Александровна“. „Василий Павлович выразил пожелание...“ „Ольга Константиновна будет недовольна, если на эту должность назначат не ее племянницу“. Тьфу, твою мать. Здесь все зависит от тебя и от твоего умения владеть мечом.

Это мир воинов, благородных гесаров. И я обязательно стану одним из них, чего бы мне это ни стоило. Здесь я дома! Это мой мир».

Выпущенная Антоном третья стрела воткнулась точно в центр мишени.

– Молодец! – услышал он за спиной голос.

Антон повернулся и поклонился учителю. Поклонился, как привык в зале... Или как кланялся Ставр. Нет, Ставр кланялся подобострастно. Но и Антон раньше кланялся более формально. А сейчас он поклонился... как рыцарь своему сюзеру, с почтением и достоинством, наполняя ритуал глубоким смыслом, доступным лишь благородному воину.

Рыбников усмехнулся.

– В самурая играешь?

– Да нет, привычка, – смутился Антон.

– Со стрельбой из лука у тебя неплохо получается, – похвалил Рыбников.

– Стараюсь, Никита Викторович.

– Правильно. Здесь это очень даже может пригодиться. Можно только порадоваться, что нас никто не обстрелял в первый день.

Антон кивнул.

– Слушай, ты когда-нибудь отдыхаешь? Я за тобой наблюдаю: после обеда из лука стреляешь, перед ужином с мечом дополнительно занимаешься.

– Так ведь дело такое, Никита Викторович. На нас здесь в любой момент напасть могут. Надо быть готовым.

Антон непроизвольно скосил глаза на левый рукав учителя. Он был заштопан аккуратными стежками и многократно выстиран Таней, но все равно бурые пятна крови так и не отошли, хотя стали значительно бледнее. Все это в сочетании с хакамой и самурайским мечом, заткнутым за пояс, придавало Рыбникову весьма грозный вид.

«А ведь он тоже изменился, – подумал Антон. – Ни дать ни взять, даймё⁴. Таким он никогда не был. Даже когда тренировки проводил, даже когда экзамены принимал, всегда видно было, что это человек нашего времени, руководитель фирмы, бизнесмен. Ритуал ритуалом, но из своего века мы никогда не выпадали. А сейчас он совсем другим стал».

– Это тоже верно. Только я смотрю, ты все больше с луком занимаешься и с мечом Йохана. В строю с прямым мечом и щитом тебя редко видно, – заметил Рыбников.

Антон потупился.

– Я думал, лучше будет, если я быстрее освою малознакомое оружие.

– А я думаю, что ты решил стать гесаром, – снова усмехнулся Рыбников. – Это хорошо, но не забывай еще и про то, что мы здесь – дружина. Мы должны действовать согласованно и в строю. А гесар – волк-одиночка. Ты хоть понимаешь, что здесь для дружины важнее всего строй? Прямой меч, щит и копье лучше всего для этого подходят. Гесар же даже вооружен так, что удобнее всего биться в одиночку. Так что с мечом Йохана можешь заниматься, но и тренировкой в строю не пренебрегай. И оружие для него подбери. Ты, кстати, уверен, что знаешь оружие, которым владеешь?

Антон посмотрел на рукоятку меча, торчащего у него из-за пояса.

– Да, пожалуй. В строю им биться неудобно.

– Не только это. Он короче моей катаны. Понимаешь, почему?

– У Йохана они были в паре. Так удобнее работать двумя руками.

– И это тоже. Но есть у этого меча еще одна особенность.

Рыбников протянул руку, и Антон подал ему свой меч. Обнажив клинок, Рыбников отложил ножны и принял стойку фехтовальщика, но потом неожиданно отступил, перехватил ору-

⁴ Даймё – феодальный правитель в средневековой Японии.

жие над головой, как копье, и с силой метнул в ближайшую стену. Меч впился в дерево и застыл.

– Идеально отцентрован и сбалансирован для метания, – пояснил Рыбников. – Будь внимательнее. Оружие само должно тебе подсказывать, что с ним делать. Не использовать возможности своего клинка – глупо, не понимать возможностей противника – смертельно опасно.

Антон быстро подошел к мечу, вытащил его из стены, вернул в ножны и заткнул за пояс. Без оружия он почему-то чувствовал себя незащищенным.

– Бросать меч – опасно, – заметил он.

– Но может оказаться последним шансом, – возразил Рыбников. – Когда бой идет не на жизнь, а на смерть, надо использовать любую возможность. Это тоже принцип война. А здесь, похоже, никого и никогда жалеть не принято. Йохан, по крайней мере, своих людей подставил под убой, только чтобы увидеть действие огнестрельного оружия и вычислить стрелка.

– Что вы имеете в виду? – опешил Антон.

– Если бы ты знал, что у противника есть оружие, которое бьет на расстоянии, ты бы выстроил своих людей в шеренгу и начал бы переговоры, как Йохан? Ты бы постарался напасть внезапно. Но в таком случае был риск, что стрелок попадет в самого Йохана. Не думай, что Йохан был глупее нас с тобой. Он был опытный воин, хоть и молодой. Если он что-то сделал, то сделал намеренно. В данном случае, пожертвовать парой-другой воинов ему не показалось чрезмерным. Не забывай об этом. Это другой мир, и не факт, что у его обитателей та же система ценностей, к какой привыкли мы. Нам еще многое надо понять. То, что здесь говорят на известных нам языках, ничего не значит. Меня это скорее озадачивает. Как получилось, что наречия сформировались так же? И это не единственная загадка.

– Конечно! – воскликнул Антон. – Гесары!

– Гесары меня как раз не удивляют. Хотя в нашем мире аналогов этому сословию не было, но могло быть. А вот кто построил храм, в который мы попали, меня очень интересует. Никак не местные жители, которые живут в деревянных хижинах. И не здешние русские. Я спрашивал у Болея. В здешней Руси строят другие храмы... и не столь величественные. Волей говорит, что храм стоял здесь всегда.

– Не очень понятное объяснение.

– Вот именно. И есть у меня подозрение, что если мы узнаем, кто были эти древние строители, то сможем и понять, что это за мир и как он стал таким. Может, мы ответим на этот вопрос, когда узнаем, что такое «великая тьма». Для Ставра и Волея это что-то вроде сотворения мира. Но я допускаю, что это некая катастрофа, случившаяся в прошлом. Об этом тоже не надо забывать. Искать ответы на эти вопросы необходимо.

– Пожалуй, – согласился Антон.

– Но и о текущих делах забывать не стоит, – продолжил Рыбников. – Послезавтра мы идем сопровождать обоз наших подопечных в Нес.

– Послезавтра? – встрепнулся Антон. – Зачем?

– Обязанности покровителя племени. Два раза в год местные жители собирают товары для продажи на ярмарке и везут в город. Это самая большая ценность для этих людей. Покровитель обязан сопровождать обоз. Ну и учет выручки вести надо. Нам же десятая часть причитается. Ты не забыл, надеюсь?

– Да. Конечно. Я пойду с вами. Поход, явно, небезопасный. Да и город будет интересно посмотреть. Не век же нам здесь, в глуши, сидеть.

– А вот ты как раз с нами не пойдешь, – покачал головой Рыбников. – Кто-то должен остаться здесь. И я думаю, лучше будет, если ты будешь тут за старшего.

– А кто пойдет с вами?

В Антоне боролись злость на учителя, за то, что тот не берет его с собой, и гордость, что оставляет своим заместителем.

– Ставр. Он местные обычаи знает. Сережа Пак. Таня.

– А она зачем? – Антон вздрогнул, подумав, что вопрос может выдать его чувства к девушке.

– Она сама попросилась. Будет с лекарем закупать лекарства, которые нельзя получить здесь, – Рыбников словно не заметил волнения в голосе юноши. – Она очень увлеклась местной медициной. Это хорошо. Сам понимаешь, не дай бог что, рассчитывать нам особо не на кого. Ну и Чубенков.

– Это понятно, – усмехнулся Антон. – Должен же он выручку пересчитать.

– И это тоже, – кивнул Рыбников. – Хотя не только. Мне бы не хотелось, чтобы он оставался здесь без присмотра.

– Да что он сделает? – небрежно махнул рукой Антон. – Он, по-моему, тихим стал, после того как стало ясно, что мы не в нашем мире.

– Есть люди, к которым не стоит поворачиваться спиной нигде и никогда. Ты еще этого не знаешь, а я с подобной публикой немало пообщался. Поверь, мне будет спокойнее, если он будет у меня под присмотром. Скорпион тоже, подкарауливая жертву, кажется неподвижным и неопасным.

– Так может... – рука Антона непроизвольно легла на рукоять меча.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Рыбников.

– Нет, я не о том, – сразу засуетился Антон. – Может, прогнать его? Раз вы считаете, что он так опасен.

Рыбников ненадолго задумался.

– Нет... – он сделал небольшую паузу и продолжил: – Думаю, все же нет. Без нас, один, он погибнет. Это очевидно. Мы должны быть гуманны и милосердны даже к тем, кто нам не симпатичен. И это тоже принцип истинного воина. Запомни это, Антон.

– Да, – Антон машинально поклонился. – Кого еще вы берете с собой?

– Больше никого.

– Значит, из бойцов с вами пойдут только Ставр и Сергей?

– Местные выделяют по пять человек от каждого племени. Так что массовость нам обеспечат. Отсутствовать мы будем девять дней. Три туда, три обратно и три там. Местные сдают свои товары оптовикам и сами не торгуют. Только закупают необходимое и в обратный путь. Если Машу не считать, вас здесь всего шесть человек остается, включая раненного Василия. Его, кстати, в караулы бери. Таня не возражает. Он уже на поправку пошел. Надо, чтобы он перестал себя считать больным. Волей, если что, поможет тебе в ситуации сориентироваться и с местными общий язык найти. На рожон не лезь. В дозоры пока не ходите. Про гесаров я тебе уже говорил. Но если почувствуешь, что можешь решить ситуацию, действуй. Если ваш авторитет среди местных вырастет, будет даже неплохо.

– Хорошо, – кивнул Антон. – Но может, все же еще людей с собой возьмете? Мы-то здесь на крайний случай за стенами отсидимся. Да и кому мы нужны? Если разбойники, то они местных грабить будут, а сюда не сунутся. Ставр так говорит. А вот ваш обоз для бандитов куда как интереснее.

– Разве ты забыл, что один гесар целого отряда стоит? – усмехнулся Рыбников.

Антон непроизвольно опустил глаза.

– Никита Викторович, а вы поняли, что это за тайна, о которой говорил Йохан? – задал он вопрос, который волновал его все последние двадцать дней.

– Не уверен, но думаю, что да, – Рыбников пристально посмотрел на ученика.

– Так что же это? – Глаза Антона загорелись.

Теперь он ловил каждое движение учителя. Тот печально усмехнулся.

– Если это то, о чем я думаю, то гесары не врут, когда утверждают, что не могут выразить ее словами. Это просто ощущение, вернее, набор ощущений. Иногда это называют мастер-

ством, иногда интуицией. Но все это не то. Неожиданно появляется некое предчувствие. Ты видишь человека и знаешь, что он собой представляет. Нет, все не то. Извини, я действительно не могу это объяснить. Скажу только одно: если бы я послушался своего предчувствия четыре недели назад, мы бы ни за что не оказались на этом фестивале боевых искусств.

– А вы чувствовали, что туда не надо идти.

– Да. Но, увы, обстоятельства... будь они прокляты. Знаешь, Антон, если ты хочешь избегать бед, никогда ни к чему не привязывайся. Ни к чему и никогда. Если ты позволишь себе это, то может наступить момент, когда тебя не спасет ни боевое искусство, ни богатство, ни связи, ни интуиция.

– Но вы действительно можете отличить гесара?

– Я могу отличить мастера.

– Поэтому вы и хотели, чтобы никто не подходил к Йохану?

Рыбников кивнул.

– А что, разве Алексеев и Жихарев не были мастерами?

– Они были мастерами, но не того уровня. Не требуй от меня объяснить это, Антон. Я просто понял, что только я могу справиться с Йоханом, вот и все. Так и получилось.

Они немного помолчали.

– Я занимаюсь у вас уже больше десяти лет, – произнес Антон. – Но гесаром не стал. Значит, в этом мире меня бы уже прогнали.

– То, о чем я говорю, появилось у меня только год назад, – усмехнулся Рыбников. – Так что, если это действительно тайна гесаров, то у тебя еще есть время в запасе.

– А хорошо быть гесаром? – неожиданно даже для себя спросил Антон.

– Горько, – Рыбников поморщился, как будто действительно проглотил горькую таблетку. – Ты видишь слишком много людских недостатков и лишаешься иллюзий. Поверь, это временами очень неприятно. Возможно, ты сам это вскоре узнаешь. Да, вот еще что. Старейшина из племени Оти вчера сказал мне, что недалеко отсюда появился новый гесар. С ним небольшая дружина, достаточно странно вооруженная, и жрец неизвестной религии. Им удалось прогнать банду, которая грабила местное племя. Местные наняли их для охраны, но гесар потребовал, чтобы все племя перешло в его веру. Тебе это никого не напоминает?

– Щекин! – вскрикнул Антон.

– Похоже, – кивнул Рыбников. – На всякий случай будь начеку. Боюсь, что этим они не ограничатся. Если уж кто-то решил причесывать всех под свою гребенку, это надолго. Они ребята боевитые и упертые. И, самое главное, готовы добиваться всего силой. Так что, возможно, нам еще придется с ними встретиться.

– Скажите, а Щекин – мастер? – спросил Антон.

– Он большой мастер боя, – подтвердил учитель.

– Больше, чем Алексеев и Жихарев?

– Да.

– Но он не гесар?

– Если я правильно понимаю, что это такое, то нет.

– Вы его боитесь? Его и тех, кто с ним ушел?

– Опасаюсь. Понимаешь, в чем дело. Там гремучая смесь: сильный боец и хороший организатор плюс не очень умный идеолог, задвинутый на религиозной исключительности. По отдельности они не так опасны, но вместе... У них сверхценная идея. Ради этой идеи они не будут щадить ни себя, ни тем более других. А нас они считают своими естественными союзниками... или подданными. Помнишь, как у них: если ты русский, то обязан и православным быть, и историю трактовать, как они, и слушаться их начальников. Если нет, то ты предатель. А к предателям всегда относятся жестче, чем к тем, кто был врагом с самого начала. Так что если они освоятся и почувствуют силу, то обязательно придут сюда – «возвращать в истинную

веру и карать отступников». То, что они считают, будто несут благо остальным, лишь дает им индульгенцию на любые гадости. Не зря говорят: благими намерениями устлана дорога в ад. Они даже не заметят, когда переступят опасную черту. В своем стремлении облагодетельствовать мир они могут погубить и себя, и тех, кто рядом. Васильев это, кстати, понял.

– Так может, было лучше позволить ему выстрелить? – вскинулся Антон.

– Может, – пожал плечами Рыбников. – Но тогда на твоём месте я бы сделал то же самое.

Пока есть возможность решить дело миром, не надо позволять литься крови.

– Но когда другого выхода нет...

– Тогда нет, – Рыбников горько улыбнулся.

– Никита Викторович, а как вы вообще ко всему этому относитесь?

– К чему «к этому»?

– Ну, ко всем этим движениям вроде Щекинского. Вы же знаете, там, откуда мы пришли, этого больше чем достаточно. И на всех уровнях.

– Я к этому никак не отношусь, Антон. Я в стороне. Там я был бизнесменом и главой клуба восточных единоборств. Здесь я гесар и защитник трех финских племен. На этом все.

– Но ведь они не могут не влиять на нас. Вот и сейчас вы сами предупредили меня об угрозе.

– Да, угрозу надо осознавать и быть к ней готовым. Но, запомни. То, с чем ты борешься, становится от этого сильнее. Ты можешь даже побороть, но тогда это обязательно вернется к тебе в новом облике. Но то, что игнорируешь, постепенно исчезает из твоей жизни.

– Так как же сражаться?

– Без ненависти и желания уничтожить. Мы с тобой много говорили об этом на тренировках. Этим и отличается агрессия от защиты, убийца от человека, осуществляющего необходимую оборону. Если ты просто адекватно реагируешь на угрозу тебе и тому, что тебе дорого, ты защитник. Если нападающий при этом гибнет, это был его выбор. Он напал. Но как только, даже в ответ на агрессию, у тебя возникает желание уничтожить противника из-за его поведения или его качеств, появляется ненависть – всё, вы на одном уровне. Это просто бой двух агрессоров. Это не то, чему я учу вас.

– Но эти люди... Скажем фашисты, – принялся возражать Антон. – Неужели они не вызывают у вас ненависти?

– Нет, – покачал головой Рыбников. – Я верю, что эти люди просто ошибаются. Выбрали для себя неверный жизненный принцип, вот и все.

– Значит, надо их исправить?

– Когда ты поймешь, как сложно изменить себя, ты поймешь, что другого изменить невозможно. Без его желания, по крайней мере. Оставь каждому человеку право делать собственные ошибки и получать их последствия в полной мере. Возможно, одним из этих последствий станет встреча с твоим кулаком или мечом. Что же, это последствия его, да и твоего выбора. Твоя задача: найти собственный путь.

– Это принцип война?

– Нет, это принцип гесара, я полагаю. Впрочем, это уже из области софистики... вернее, пустого трепана. Каждую ситуацию не предусмотреть. А когда и как себя вести, подскажет интуиция. Закончим на этом. У нас с тобой еще много дел. Мне к переходу готовиться, тебе здесь в должности командира гарнизона осваиваться. Потом пофилософствуем.

Рыбников повернулся и зашагал к дому. Антон машинально поклонился ему вслед, потом, немного выждав, выхватил меч гесара и метнул в стену. Клинок ударился в дерево, но несколько под углом и вошел не слишком глубоко, потом под собственным весом наклонился и упал на землю.

– Этому я тоже научусь, – пробормотал Антон.

Глава четырнадцатая, рассказывающая об интригах гарнизонной жизни

Стоя на обзорной площадке, Антон осматривал кромку леса. Платформы находились с четырех сторон частокола, защищавшего замок, и представляли собой удобную позицию для лучников. Уже четыре дня прошло с того момента, как возглавляемый Рыбниковым обоз ушел в город, а Антон все еще не мог успокоиться и каждый день подолгу внимательно осматривал окрестности. «Что я здесь делаю? – часто спрашивал он себя. – Зачем торчу здесь, будто действительно ожидаю нападения? Вон и Волей посмеивается». И все же, несмотря на это, парень с завидным постоянством лез на деревянную конструкцию и тщательно разглядывал окружающие леса, ловя любое движение. Чувство опасности не покидало его. Что это? Предчувствие или самовнушение? Последствие предупреждения учителя или игра «в войнушку» мальчишки-переростка?

«Играю я в самурая, как сказал учитель, или вживаюсь в новый мир? – в очередной раз спросил себя Антон. – Мне нравится то, что я делаю? Да. Это мой мир, несмотря на все, что произошло здесь с нами. Но таков ли он, каким я его представляю? Не выдумал ли я его?»

Он услышал, что сзади на площадку кто-то поднимается, и обернулся. Это была Маша. Антон помог девушке забраться на платформу.

– Ну, как там, командир? – с наигранной веселостью спросила она, указывая на лес. – Врага не видно?

Антон покачал головой.

– Да я так, больше для порядка. Какие здесь враги?

– Говорят, разбойники здесь водятся, – поежилась Маша.

– Сюда не сунутся, – уверенно заявил Антон.

– Хорошо бы. Знаешь, Антон, мне здесь страшно, – призналась она. – Страшно с первого дня, как мы здесь оказались.

– Всем страшно, – заметил Антон. – Но, пока мы вместе, всегда отобьемся.

– Нет, не так. Я боюсь даже не тех людей, которые здесь живут. Здесь сам мир какой-то страшный и неуютный. Он всех людей делает жестокими. Ты знаешь, я была в ужасе, когда увидела, как Рыбников сражался с Йоханом. Это было что-то невероятное. Такая ярость, такая жестокость. Я теперь боюсь даже Рыбникова. Он не человек, он зверь, убийца. И вы все такими становитесь.

– Но ты же занималась боевыми искусствами, – изумился Антон. – Рыбников – большой мастер. Он очень добрый в душе человек. Просто строгий, потому что взялся отвечать за всех нас. Зачем же его бояться?

– Да что там, – махнула рукой Маша. – Ну, пошла в секцию... с настоящими парнями познакомиться. Но все эти кровавые бои – это не мое. Для меня это всегда было что-то вроде гимнастики, танцев. Никогда я не была бойцом. И здесь мне страшно. Я хочу вернуться в наш мир! Ты уверен, что мы не можем этого сделать?

Она вцепилась в рукав Антона и с надеждой посмотрела ему в глаза. Парень смутился.

– Мы вроде все опробовали. И храм обыскали, и все окрестности. Ничего. И парень этот, что заклинания произносил, как назло, в первый день погиб.

– Мы все здесь погибнем, – всхлипнула Маша. – Антон, мы точно не сможем вернуться?

Антон снова покачал головой.

– Боюсь, что нет. Надо смотреть правде в глаза. Пойми, Маша, мы все хотим вернуться. Но что невозможно, то невозможно. Надо стараться обустроиться здесь.

Девушка тяжело вздохнула.

– Боюсь, что ты прав. Нам всем надо обустроиваться здесь. И мне тоже. Ты понимаешь, о чем я? – Она пристально посмотрела ему в глаза.

– Не понимаю, – удивился Антон. – Мы все здесь живем. Помогаем друг другу...

– Дурачок, – она вдруг мягко улыбнулась. – Я же женщина. Мне нужен мужчина. Мне нужен тот, кто бы меня защитил. Особенно здесь.

– Мы все тебя будем защищать, – промямлил Антон.

– Да ладно тебе, – она лукаво усмехнулась. – Долго еще благородного рыцаря играть будешь? Мы же здесь уже скоро месяц. Неужели ты ничего не хочешь, кроме как из лука стрелять и мечом махать?

Она прижалась к Антону, и тот непроизвольно отшатнулся.

– Ты что, Маша?

– А ничего, – на губах у нее играла странная улыбка. – Если случайно ничего себе мечом не отрубил, можешь сегодня вечером на второй этаж забраться. Я тебя буду ждать.

Антон чуть не задохнулся от переполнивших его чувств. Нельзя сказать, что длительное воздержание прошло для него бесследно. Даже большие нагрузки во время тренировок оказались не в состоянии перекрыть дорогу эротическим видениям, а уж присутствие в замке молодых красивых девушек, особенно Тани, и подавно не давало покоя. И теперь, когда Маша настолько недвусмысленно предложила ему секс, первой его реакцией было броситься на нее немедленно, по-звериному, затащить в баню, сорвать одежду... Но тут же ему вспомнились глаза Тани.

– Ты очень красивая девушка... – протянул он.

– Но ты любишь Таню, – закончила она за него. – Только не рассказывай, что ты меня не хочешь. Просто боишься, что Таня узнает. Но ведь ей плевать. Она не тебя любит, а Рыбникова. Неужели для тебя это новость? Не зря она с ним в город пошла.

А ты думаешь, Никита свой шанс не упускает? Как же. Он-то побойчей тебя.

– Это она тебе сказала? – Антон с силой тряхнул девушку за плечи.

– Какая разница?! – внезапно ошетибилась она. – Мы, женщины, сразу такое видим, чего вы, мужики, ни в жизнь не разглядите. А вы все в свои игры играете. Пока вы тут благородных воинов изображали, к нам с Танькой Чубенков чуть не каждый день подкатывал. Волей вон вчера руки распускал. Вы что думаете, нам ваши вздохи сильно нужны? Нам мужики нормальные нужны. Мужики, во всех смыслах. Понял, чудака?

– Ну и трахалась бы со своим Волеем, – вспыхнул Антон. Он был настолько зол, что чуть не замахнулся на Машу, но перед ним уже стояла другая женщина: испуганная, со слезами на глазах и надеждой во взгляде.

– Антон, ну что ты? – Она снова прильнула к нему. – Зачем мне эта скотина? Я хочу тебя. Ты понимаешь, глупенький? Я тебя хочу и больше никого.

Сердце у Антона учащенно забилося. Он почувствовал, что не выдержит этой женской атаки, и резко отстранил девушку.

– Маша, уйди. Очень тебя прошу.

Она снова усмехнулась.

– Как хочешь, дорогой. Где лестница на второй этаж, ты знаешь. До возвращения Рыбникова еще пять дней.

Девушка пошла к лестнице. Антон резко повернулся и ухватился за бревно частокола. Со стороны могло показаться, что он напряженно всматривается в кромку леса, но на самом деле парень ничего не видел перед собой. Его душила ярость. «Неужели Таня действительно любит Рыбникова? Неужели и правда спит с ним? А что, ведь не зря он вход к девчонкам перекрыл. Мы-то все думали – из благородства, а он вот что! Одна Маша знает. А ведь Рыбников давно оказывает Тане знаки внимания. А как она восхищенно смотрит на него! Только ли как на учителя? Может, поэтому и отвергает все мои ухаживания? Ну конечно, она его любовница!

И давно. Рыбников женат, у него дети. Но разве это преграда? Почему бы успешному бизнесмену не завести себе пару-тройку любовниц? А я-то, дурак, все в комплиментах рассыпался, подарочки дарил. Да что ей мои подарочки по сравнению с тем, что может дать Рыбников? Кто я для нее, если сам сенсей снизошел?! Проклятье!»

Антон яростно оттолкнулся от частокола, спрыгнул с площадки и зашагал к дому.

– Волей! – гаркнул он. – Волей, где ты, черт тебя раздери!

Дружинник лениво выкатился из дверей.

– Чего надо?

Антон налетел на него, с ходу залепил кулаком в нос, сбил с ног, принялся топтать ногами.

– Ты что себе позволяешь, скотина?! Кто тебе позволил руки распускать?! Я тебя научу уму-разуму! Подонки! Сволочь! Дерьмо!

Волей извивался под его ударами и закрывался руками.

– За что, старшой? – кричал он. – Ну что я такого сделал? Ты чего? Сам не берешь и другим не даешь?

На крики сбежались ребята. Антон потихоньку начал остывать. Он прекратил избивание и сделал шаг назад.

– Еще раз хоть пальцем девушек тронешь – порву, – процедил он.

– Ладно, я чего, – Волей медленно поднялся и ладонью размазал по лицу кровь из разбитого носа. – Я ничего. Ну, было. Ну, прости.

– Сегодня из замка никуда не пойдешь, – распорядился Антон.

– Ну, это уж совсем ни туда и ни сюда, – заныл Волей. – И здесь нельзя, и в деревню нельзя? Как же так, старшой?

Антон матюгнулся про себя.

– Черт с тобой, катись. Но с сегодняшнего дня будешь стоять в карауле три ночи подряд.

– Как скажешь, старшой, – развел руками Волей.

Антон смерил его презрительным взглядом. В голове промелькнуло: «А правильно, что их Йохан не жалел». Обругав себя за мысль, недостойную цивилизованного человека, он обвел глазами собравшийся гарнизон.

– А вы чего сюда заявились? Почему караул покинул пост? Все по местам.

И тут его взгляд встретился со взглядом Маши. В глазах девушки сиял восторг. Кажется, она уже считала себя победительницей.

Глава пятнадцатая, о предательстве и позоре

Их взяли через день, ночью. Напали, пока они спали. На Антона навалились сразу двое, прижали к полу, выкрутили и связали за спиной руки. Парень извивался, пытался ударить нападавших ногой, даже кусался, но все было бесполезно. Рядом отчаянно кричала и брыкалась придавленная кем-то Маша.

– Ну что, взяли? – раздался снизу грубый мужской голос. – Ведите сюда.

Антон поставили на ноги, подвели к люку, ведущему на первый этаж, и толкнули вниз.

– Лови, – крикнул кто-то.

Парня мягко подхватили, поставили на ноги и вытащили в общую комнату. Вокруг раздался гогот.

– Ух ты, какой!

– Голый! Ха! Зря времени не терял.

Помещение было освещено факелами, и Антон сумел осмотреться. Вокруг него стояли рукопашники Щекина со своими неизменными автоматами и ребята, что ушли с ними в тот роковой день три с лишним недели назад. Антону показалось, что парень-ушуйист прятал глаза. У стены лежали связанные дружинники с кляпами во рту. Похоже, их также взяли спящими. Андрея, который должен был стоять в карауле, нигде не было видно, а вот Волей стоял тут, почему-то при оружии.

– Тихо! – выкрикнул Щекин, выходя к Антону, и голоса тут же смолкли.

Рукопашник насмешливо посмотрел на Антона, и парень непроизвольно потупился. Стоять голым перед одетыми людьми было стыдно.

– Где его одежда? – строго спросил Щекин.

Волей тут же метнулся в комнату Рыбникова.

– Михай, где одежда-то ихнего старшего? – донесся оттуда его голос. – Благородный гесар требует.

– Держи, – слышался ответ.

За спиной у Антона возникло движение, после чего державшие его рукопашники помогли парню надеть штаны и завязали тесемку.

– Так-то лучше, – одобрил Щекин. – Где тот, что на посту стоял?

Кто-то бросился из комнаты, но вскоре вернулся, толкая связанного Андрея. Голова парня была перевязана тряпкой, и из-под нее сочилась кровь. Следом вошли отец Никифор, ученица Алексеева и девушка-рукопашница. У последней костюм изменился. Теперь вместо камуфлированных штанов на ней была холщовая юбка до пола, а голова повязана платком.

– Да, это Волей перестарался, – Щекин бегло осмотрел рану на голове Андрея, а потом распорядился: – Олег и Слава, займите пост на воротах.

Двое рукопашников вышли. Щекин, кажется, хотел сказать что-то еще, но тут Андрей плюнул ему в лицо. Все ахнули, но Щекин поднял руку, предотвращая избиение, потом медленно вытер плевков, а потом с размаху ударил пленника открытой ладонью по щеке, так что у Антона зазвенело в ушах. Но главное, было очень обидно и стыдно за свою беспомощность.

Щекин знаком приказал отвести пленника к другим захваченным ребятам. Его приказание было сразу выполнено.

– Андрей, тебя Волей предал? – крикнул Антон.

– Да, – парень, кажется, с трудом сдерживался, чтобы не заплакать. – Сзади по голове ударил. А когда я очнулся, меня уже связали. Мне Тоня голову перевязала.

Антон кивнул. Ему постепенно становилось ясно, что произошло.

– Я, гесар Павел, принимаю на себя командование этим замком и принимаю под защиту все прилегающие к нему земли, – торжественно объявил Щекин.

– Это с каких пор вы стали гесаром? – громко спросил Антон.

Щекин посмотрел на него и усмехнулся.

– С тех самых. Гесар – это местное воинское сословие. Что-то вроде рыцарей. Я объявил себя таковым.

– Себя нельзя провозгласить гесаром, – возразил Антон. – Это должен признать другой гесар. Кто признал вас?

– Все, кто встречался с моей шашкой в бою. А инку и самому можно изготовить, – Щекин показал на висевший на его груди жетон сотрудника охранной фирмы. – Как раз в кармане у меня был.

– Тогда вы самозванец, – заявил Антон. – Вас не признают истинные гесары.

Всеобщий хохот был ему ответом.

– Это ты финнам рассказывай, – хлопнул Антона по плечу стоявший рядом Волей. – Они в сказки о великой тайне верят. А нам главное, что у нашего господина сабля острая да рука твердая. Про то некоторые разбойники уже знают. А главное, он править готов и слуг своих достойно награждать. Не чета другим гесарам.

– Сволочь, – Антон бросил испепеляющий взгляд на предателя.

Волей лишь усмехнулся в ответ.

– А ты думал, что я мордобитие от тебя стерплю и не отвечу? На-ка, держи.

Он размахнулся и ударил парня в челюсть. Удар был сильным, и лишь державшие Антона рукопашники не позволили ему упасть. Антон «поплыл», но все же не потерял сознания.

– Прекратить! – рявкнул Щекин, отталкивая Волея. – Пленных бить запрещаю.

– Значит, мы пленные? – пробормотал Антон, пытаясь встать на внезапно обмякшие ноги. – Мы воюем?

Щекин заметно смутился.

– Не в том дело. Просто мы решили построить в этом мире русское православное государство. Здесь будет русский мир. Все мы, попавшие сюда из нашей России – его первые граждане. Остальных мы окрестим. Мы уже обратили в православие два племени. Теперь обратим еще три. Это только начало. Со временем мы распространим подлинный русский мир на всю здешнюю Русь. А то и больше.

– А вы, значит, в цари? – с сарказмом заметил Антон.

– Я не рвался к этому, – поморщился Щекин. – Просто кто, если не я? Ты видел, что случилось после того, как власть взял Васильев?

– А почему не Никита Викторович?

– Править должен истинный православный, – вступил в разговор отец Никифор.

– Подождите, святой отец, – прервал его Щекин. – Видишь ли, в чем дело... Как тебя зовут? – Щекин заговорил неожиданно мягко, даже доверительно.

– Антон.

– Видишь, в чем дело, Антон. Я действительно не рвусь к власти. Но я понимаю, что без твердого руководства люди распускаются. Я также верующий человек. И я знаю: ничто, кроме православия и русского мира, не может отвратить их от зла, наставить на путь истинный. Мы с отцом Никифором решили помочь жителям этого мира добиться лучшей жизни, не допустить тех ошибок, которые были сделаны у нас. Я согласился взять власть мирскую. Отец Никифор как единственный здесь рукоположенный священник станет пастырем народов. Не ради себя. Не ради богатства и славы. Ради тех, кому нужна наша помощь. Никита Викторович большой мастер. Я был бы счастлив, если бы он пошел с нами. Но он принципиально не хочет принимать на себя власть. Он всегда сторонился государственных должностей, а ведь мог... Но ты видел, что он делал, когда мы попали сюда. Если бы он согласился. Если бы его избрали. Я бы сам отдал ему власть. Но он не хотел и не думаю, что захочет.

– Но, если цели так благородны, зачем вы захватили замок силой? – спросил Антон.

– А ты бы открыл ворота? – усмехнулся Щекин.

– Вряд ли, – признался Антон. – Но вы ведь свою веру распространять хотите. Если бы вы стали проповедовать среди местных племен, я бы мешать не стал. Зачем же захватывать нас силой? Нас просили о защите от разбойников. Вы бы ведь не стали никого грабить?

– Конечно, – Щекин даже удивился такому предположению. – Но надо понимать психологию здешних племен. Мы здесь среди язычников. В этом мире уважаются лишь сила и военная удача. Здесь считают, что бог помогает только тому, кто побеждает в бою. Мирная проповедь не действует на их души. Потому мне и пришлось объявить себя гесаром. Потому мне приходится быть жестким, иногда жестоким. Но иначе никак. Первого успеха мы добились только после того, как прогнали разбойников. Если бы мы просто пришли сюда с проповедью, нас бы не стали слушать. А вот когда я объявлю себя их защитником, когда они увидят, что на моей стороне сила, они будут и более восприимчивы к слову Божьему. Только так мы сможем принести им истинную веру.

– А вы уверены, что она им нужна? Здесь свой мир, своя культура, свои боги. Вы даже не узнали еще, как здесь живут люди, а уже хотите переиначивать их жизнь. Может, они и без вас вполне счастливы.

– Люди, не познавшие Христа, не могут быть счастливы, – заявил отец Никифор.

– И сколько еще захватов и битв вы готовы устроить, чтобы обратить грешников в свою веру? – с вызовом спросил Антон. – Скольких людей готовы убить ради своего русского мира? Десятки? Сотни? Тысячи? Или на миллионы готовы вести счет?

– Сколько нужно, – вскрикнул отец Никифор.

– Именно так, столько, сколько нужно, – подтвердил Щекин. – Мы не кровожадны. Но ради счастья людей мы готовы на все.

– И религиозных войн не боитесь? – покачал головой Антон. – История нашего мира вас ничему не научила?

– Это будет не просто религиозная война, – объявил священник. – Это будет война истинной веры с язычеством. И мы веруем, что Господь дарует нам победу.

– Научила, – с печалью в голосе сказал Щекин. – Вот потому, что научила, мы и должны быть беспощадны к врагам истинной веры и русского мира.

Антон тяжело вздохнул. Было ясно, что этих людей невозможно переубедить. «Прав был Рыбников, – подумал он, – и себя погубят, и другим беды принесут. Надо это остановить. Но как?»

– Послушай, Антон, – Щекин придвинулся к нему, – я тебя видел в деле. Ты хороший боец. Ведь это ты в Васильева нунчаки бросал. Я тогда тебя так и не поблагодарил, извини. А ведь ты мне жизнь спас.

Спасибо! И серебро на городе весной ведь ты взял. Я помню. То, что произошло сегодня... Будем считать это недоразумением. Ведь ты наш, настоящий русский человек. Ты должен быть с нами. Присоединяйся.

– Я бы ему не доверял, – нахмурился отец Никифор. – Он святую церковь хулил, к священникам непочтительно относился. Он восточными единоборствами занимался и языческие обряды исполнял.

На лице Щекина мелькнуло секундное раздражение. Кажется, поп немало раздражал его, но почтение к сану все же взяло верх, и он заговорил с почтением.

– У всех бывают свои ошибки, отче. Но путь к спасению никому не заказан. Главное, чтобы человек был чист сердцем, а помыслы его устремлены к добру. Вон, Михей к нам каким прибежал. А теперь он добрый христианин.

– Да, но путь ко спасению лежит через раскаяние, – возразил отец Никифор. – Михей Христа всем сердцем принял, как только услышал о нем. А этот в православном государстве был рожден, а Христа и истинную веру так и не принял. Он у своего учителя сатанинские

ритуалы выполнял, залу кланялся. Нельзя ему в православное воинство. Только через длительное покаяние и смирение. Я ему не верю!

– Батюшка, у меня каждая сабля на счету, – недовольно возразил Щекин. – Да и негде нам пока исправительные лагеря строить. Это позже. В боях перекуются. – Он повернулся к пленнику. – Антон, я очень прошу тебя, присоединяйся к нам. Ведь ты видишь, мы никому не желаем зла. Мы лишь боремся за честь и достоинство русских людей и в нашем мире, и в этом. Переходи к нам.

Антон усмехнулся, стараясь сохранять самообладание:

– На службу зовете, а руки связанными держите. Интересный способ призыва. Прямо как в военкомате – Не доверяй ему! – взвизгнул отец Никифор.

– Развяжите его, – распорядился Щекин.

Через несколько секунд руки Антона были свободны. Один из рукопашников протянул ему одежду. Парень принялся нарочито медленно растирать затекшие кисти, потом одеваться, но мозг его работал лихорадочно.

«Если я сейчас убью Щекина, – думал он, – то без него ученики не смогут ничего сделать. Никифор больше языком молотит и подзуживает. Командовать он не способен. Этот дурацкий крестовый поход закончится, и не начавшись. Но стоит мне броситься на Щекина, его ученики сразу поднимут меня на штыки. Это они умеют. Уже доказали. Даже до Щекина не дотянусь. А если все же смогу, то, пожалуй, шашкой получу в живот, и все равно ничего не выйдет. Его тоже так просто не возьмешь. Что делать? Плюнуть в лицо, гордо отказаться? А толку? Запрут в амбар и пойдут дальше всех крушить своим «русским миром». Как говорил Рыбников, не надо сопротивляться и ломать, надо использовать и искать слабые точки. Надо действовать как в айкидо: поддаться, использовать силу противника. Придется поступить к ним на службу, а потом ударить. Интересно, поверят они мне, если я вот так сразу соглашусь? Наверяд ли. Будем играть».

– Я бы перешел к вам, Павел Андреевич, – задумчиво произнес Антон, – но как отнесется к этому Никита Викторович? Мне бы не хотелось выглядеть предателем.

– Это не будет предательством, – уверенно возразил Щекин. – Ведь ты учился у него карате. Прекрасно. Ты и будешь его учеником. Считай, что ты поступил на службу в армию. Разве это предательство?

– Но ведь вы – не армия, – продолжал изображать сомнения Антон. – Ну, вы же понимаете разницу. Я бы хотел дождаться Никиту Викторовича и поговорить с ним.

– Так положение, считай, военное, – настаивал Щекин. – Мы здесь единственные представители нашей страны. Только мы знаем, как на самом деле должен выглядеть русский мир. Вокруг враждебное окружение. Мы должны держаться вместе, нести свою культуру местному населению. По отдельности мы погибнем или потеряем свою национальную идентичность. Я знаю, что ты мне хочешь возразить. Да, здесь тоже есть Россия и русские. Но ведь ты понимаешь, что это далеко не та страна, в которой мы жили... и в которой хотели бы жить. Нас здесь меньше двух десятков человек. Считай, взвода еще нет. Если мы не начнем действовать прямо сейчас, то проиграем. Для меня очень важно, чтобы ты завтра вышел со мной к старейшинам племени и подтвердил, что я друг.

– Они будут слушать только своего гесара, – возразил Антон. – Для них это важно. С гесаром они договариваются. Дружина, которую набирает гесар, их не волнует.

– Но ведь я – гесар, – воскликнул Щекин. – Я буду их защищать. Ты лишь подтвердишь, что я друг. Когда вернется Никита, я сумею с ним договориться. Ведь мы не враги. Мы не будем мешать друг другу. Он, если захочет, как и прежде, будет обучать карате и айкидо. Может создать свой бизнес. А может и присоединиться к нам. Но мы сейчас не можем ждать. Помогите мне.

– Не верь ему, Антон! – крикнул Андрей и тут же получил удар в солнечное сплетение от одного из рукопашников.

– Пленных не бить! – снова выкрикнул Щекин и повернулся к Антону. – Ты ведь понимаешь, что, если нас примут за разбойников, прольется кровь.

Он выжидающе посмотрел на пленника. Антон тяжело вздохнул.

– Вы все правильно говорите. Но зачем же вы так захватили замок?

– У нас действительно не было выбора, – Щекин положил ему руку на плечо и заглянул в глаза. – Прости нас. Но мы сделали это во имя высшей цели.

Когда-нибудь ты поймешь... Я надеюсь. Ну что, ты с нами?

Антон выдержал паузу.

– Хорошо, я буду с вами.

– Дурак! Предатель! Подонок! – зашелся в крике Андрей.

Стоявший рядом с ним рукопашник с силой ударил его под дых, и Андрей замолк, судорожно глотая ртом воздух.

– Кто еще готов перейти на нашу сторону? – повернулся Щекин к остальным пленным.

– Я ни за что, – прохрипел приходящий в себя Андрей.

– С тобой все ясно, – недовольно поморщился Щекин. – Отведите его в амбар и запирайте. Роман, будешь охранять... гауптвахту. Кто еще хочет присоединиться к нашему отряду?

Он обвел тяжелым взглядом кулачников и притихшего Толю. Все они, один за другим, глядя на Антона, согласились.

– Развяжите их, – приказал Щекин. – И верните оружие.

– Язычники должны покаяться, – потребовал отец Никифор. – Немедленно. А кто не крещен, тому надлежит и покреститься, прежде чем снова взять в руки оружие.

– Это справедливо, – согласился Щекин. – Ведь вы вступаете в православное воинство. Вы русские, а значит, православные и должны слушать отца Никифора.

Кулачники смущенно переглянулись между собой. Антон решительно подошел к священнику, опустился перед ним на колени, перекрестился и произнес:

– Батюшка, каюсь, что не исповедовался, не причащался и не постился. Каюсь, что в церковь не ходил и над верующими насмехался.

На лице Никифора проскочило удивление, потом борьба противоречивых чувств, но вскоре их сменило умиление.

– Ты крещен? – спросил он ласково.

– Да, батюшка.

– Каешься, что языческие культы исполнял?

– Каюсь, батюшка.

– Бог простит, – священник широко перекрестил Антона.

Парень снова перекрестился, поднялся, жестом указал топчущимся у стены ребятам на священника, потом повернулся к Щекину.

– Где мой меч?

На лице у рукопашника сияла довольная улыбка. Он повернулся к застывшему у двери Михею.

– Где его оружие?

– Наверху осталось, я сейчас принесу, – с готовностью отозвался тот.

– Я сам, – Антон решительно отодвинул почему-то смутившегося Михея, взял факел у одного из рукопашников и двинулся в комнату учителя.

Свое оружие он нашел быстро. Заткнув за пояс меч, он почувствовал себя увереннее. «На что только не пойдешь, чтобы обмануть врага», – удовлетворенно подумал он и уже направился к выходу, когда услышал всхлип в дальнем углу. Подняв над головой факел, Антон увидел там вжавшуюся в стену голую, плачущую Машу. Антон сразу понял, что произошло.

- Кто? – спросил он, подходя к девушке.
- Э тот, который Волея дружок, – всхлипнула она.
- Михей? А ну, пошли, – Антон схватил Машу за руку и потянул к выходу.
- Нет, – вырвалась она. – Оставь меня.
- Ясно, – тяжело вздохнул Антон и пошел к лестнице.

В большой комнате уже никого не было. Антон вышел во двор, где сейчас в лучах восходящего солнца собрался весь новый гарнизон замка. Щекин стоял в центре образовавшегося вокруг него круга и раздавал указания. Антон решительно шагнул к нему и с сарказмом произнес:

- А ваши люди, Павел Андреевич, я посмотрю, воины достойные и христиане хорошие.
- В чем дело? – недовольно посмотрел на него Щекин.
- С каких это пор бойцы за русский мир стали насильниками?
- Что?! – Щекин побелел и схватился за шашку. – Кто?

Антон молча указал на Михея. Щекин грозно надвинулся на вмиг оробевшего Михея.

– А чего такого, господин? – изумленно пролепетал тот. – Мы ж замок на щит взяли. Ясно дело, что девки здесь наши. Ты ж не сказал, чтоб ее тебе привели.

Щекин мгновенно покраснел от ярости. Мелькнула сталь, раздался противный чавкающий звук и предсмертный хрип. С перерубленным горлом Михей рухнул на землю. Среди собравшихся пронесся вздох ужаса.

– Так будет с каждым, кто позволит себе насилие и грабеж, – спокойно объявил Щекин, вытирая кровь с клинка. – Мы не завоеватели и не разбойники. Мы русское православное воинство.

«Вы хуже, – добавил про себя Антон. – Вы борцы с человечеством за идею».

Глава шестнадцатая, о том, что и один в поле воин

Антон сидел на скамейке у стены жилой избы. Его глаза были полуприкрыты, все тело расслаблено, а дыхание ровно. Так он обычно готовился к бою перед соревнованиями. Правда, сейчас ему предстояла куда более тяжелая схватка. Схватка с противником, куда как превосходящим его по силам. И ставкой в этом бою была его жизнь. Бой, который, казалось, выиграть было невозможно, как невозможно в одиночку драться с целой армией. Но ведь говорят, что и один в поле воин. Только, как любил напоминать Рыбников, каждая поговорка, как и каждый прием, имеет свой ключик к пониманию. Осталось только найти, где спрятан правильный ответ на эту загадку, как решить эту, казалось бы, неразрешимую проблему.

Как правило, сталкиваясь со сверхсложной задачей, Антон старался не «сжигать» мозг в яростных попытках решить ее, а стремился расслабиться и остановить поток мыслей. Обычно именно в состоянии этого мысленного молчания и расслабления к нему и приходил тот единственно верный ответ, который позволял победить. Этому научил его Рыбников. Этот метод никогда не подводил его: ни на соревнованиях, перед поединком с грозным соперником, ни на работе, когда получал сложное задание или оказывался втянут в хитросплетение служебных интриг. Но вот сейчас ответ не приходил.

Услышав приближающиеся шаги, Антон встрепенулся и открыл глаза. Перед ним стояла ученица Щекина. Антон вспомнил, что, кажется, ее звали Тоня. Девушка остановилась перед Антоном и пристально посмотрела ему в глаза. От этого взгляда парню стало неудобно. Чтобы как-то разрядить ситуацию, он спросил:

– Ты идешь сегодня с нами к финнам?

Она невесело усмехнулась.

– Какое там! Я же женщина.

– Ну и что? – не понял Антон.

– Это ты у отца Никифора спроси. У него женщина – это только церковь, кухня и дети. Вон, даже брюки носить запрещает, – она сердито дернула свою самодельную юбку. – Только и делаю, что обстирываю их и готовлю.

– А Щекин что? – удивился Антон.

– Да он до сих пор нормальный был, – Тоня села на скамейку рядом с Антоном. – Нет, верил он всегда. Но нормальный был мужик. Я же у него занималась. Думаешь, я ходила бы к нему, если бы он так считал? Да он бы меня и не взял тогда. А после того, как сюда попали, как с цепи сорвался. Это Никифор на него так влияет. Несет не пойми что, а наш все его слушает.

– Да послал бы к черту, если нормальный мужик, – фыркнул Антон.

– Он считает, что священнику перечить грешно, – ответила Тоня.

– А ты?

Она немного смутилась.

– Знаешь, я тоже долго думала, что если ты православный...

– А теперь не думаешь?

– Не знаю, – огрызнулась она. – Чего ты пристал?

– Да я что у вас происходит, хочу понять, – пожал плечами Антон.

– У нас? – она снова пристально посмотрела на него. – А разве ты не с нами?

– С вами, – буркнул Антон, поняв, что прокололся. – Но что здесь происходит, хотел бы понять.

– Беги отсюда, – неожиданно бросила Тоня. – Беги как можно скорее. Они все сумасшедшие. И Щекин в первую очередь. Все как свихнулись. Православным царством бредят, русским миром. Считают, что высшую истину знают. Убирайся. Приведи вашего Рыбникова, и сделайте хоть что-нибудь. Эти идиоты и себя погубят, и кучу людей вокруг себя перебьют. Ты бы знал,

какие они порядки среди финнов насаждают. Чистый концлагерь. Уже и оброки повысили, и жить заставляют по своим уставам. Даже тем, кто женился по обрядам племени, запрещают жить вместе. Только если Никифор обвенчает. А тот требует, чтобы молодожены над своими старыми богами глумились. Мне одна финка шепнула, что старейшины решили гесара нанять, чтобы с нами справиться. А еще говорят, что все мы, пришлые, злыми богами посланы. И вы тоже, понимаешь? Мол, эти злые боги и помогли Рыбникову истинного гесара победить.

– Подожди, – встрепнулся Антон, – наши же финны вроде к нам хорошо относятся.

– Ты еще не понял их обычаев, – покачала головой Тоня, – а у меня подружка финка. Знаешь, женщины быстрее общий язык находят. В этом мире страх перед гесарами – это все. Гесару, который победил, никто перечить не смеет. Но не перечат, не значит – любят и не значит, что не строят заговоров. Между племенами связь очень хорошая. Из-за Щекина и Никифора они всех нас теперь считают посланцами злых сил. Старейшины собрали деньги на нового гесара, который в Несе вызовет Рыбникова на бой. После этого они придут сюда и перебьют всех нас. Финны помогут. Ты правильно сделал, что притворился, будто перешел на нашу сторону, – она усмехнулась в ответ на удивленный взгляд Антона. – Ты можешь обмануть их, потому что им важно, что человек говорит. Но я вижу твои глаза. Вижу, что ты другой. Вижу, что ты не подчинился и не поверил. Беги сегодня же! Постарайся предотвратить поединок Рыбникова с нанятым гесаром. Пусть срочно вернется сюда и вызовет на бой Щекина. Это единственный шанс показать финнам, что мы разные. Если даже Рыбников проиграет, можно будет уйти к финнам. Тогда нанятый гесар убьет лишь тех, кто останется со Щекиным. Здесь такой обычай: слуг и учеников проигравшего войну вождя всегда или убивают, или берут в рабство. Та финка потому и рассказала мне, чтобы я могла спастись.

Антон непроизвольно вздрогнул от услышанного. За последнее время он стал привыкать к ощущению, что смерть где-то рядом. Но теперь он почувствовал, как на них на всех накатывается нечто страшное, грозное, готовое уничтожить и правых и виноватых только потому, что они чужие. «Это какие же силы мы подняли, вторгнувшись в этот мир?!», – непроизвольно подумал он.

– А ты? Почему ты раньше не пришла к нам? Почему не предупредила?

– Я – женщина, – поморщилась Тоня. – Здесь женщины – существа подчиненные. Я бы не отошла и километра от замка. Это только вам кажется, что по здешним тропам можно гулять без опаски. Все пути контролируются племенами. На война они побоятся нападать. Но одинокую женщину обязательно схватят. Могут выдать Щекину, а могут и изнасиловать, и продать в рабство. В лучшем случае возьмут замуж, если очень понравится кому-то. Но в здешних племенах жена – это почти рабыня, хотя Айна так не думает. Она обещала провести меня в соседнее племя и выдать замуж. Говорит, другого способа спастись у меня нет. Но все парни обречены, когда придет нанятый гесар. За вами будут охотиться и он, и его слуги, и финны. Пройти сможешь только ты, ученик гесара, и только сейчас, пока здесь еще боятся Рыбникова и Щекина. Беги сегодня же.

Она резко поднялась и пошла прочь.

– Тоня, – окликнул ее Антон, но она не обернулась и быстро свернула за угол.

Антон поджал губы и откинулся к стене. «Бежать бесполезно, – понял он. – До города три дня пути. Рыбников с обозом уже там. Если его уже не вызвали на бой, то вызовут в ближайшее время. Не успею. В лучшем случае встречу возвращающийся обоз, то есть никак не ускорю события. В худшем – наткнусь на отряд гесара, который пойдет сюда убивать нас. Если он победит Рыбникова, то меня прикончит в два счета. Погибну без толку. Нет, мне надо действовать самому. Теперь я знаю – как. Воин я или не воин? Если проиграю, то у ребят хоть появится шанс выжить, когда сюда придет другой гесар. Если выиграю, докажу, что я тоже против тех, кто надругался над местными богами. У меня опять же появится шанс спасти людей. Да, другого выхода нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.